

ПРИХОДСКАЯ №153

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 2021

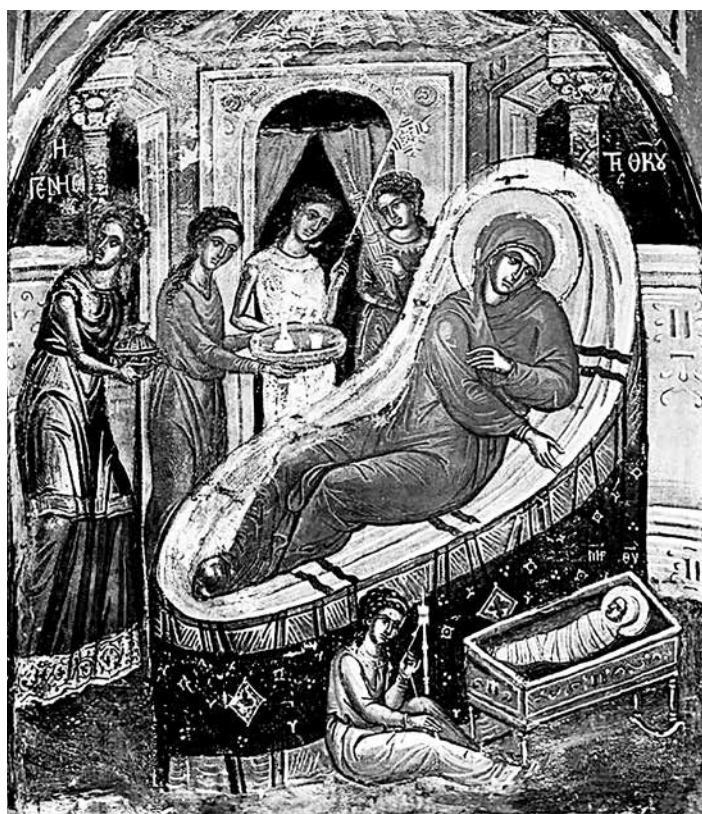
Газета

ХРАМА СВВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви
Свидетельство №100 от 4 июля 2011 г.

**Рождество Богородицы напоминает нам и о нас самих,
что мы рождаемся, чтобы стать носителями образа Божия.**

«Рождество Пресвятой Богородицы». XVI в,
монастырь Ставроникита, Афон

Православная культура опиралась на два источника. Первый – это Евангелие. Учение и провозвестие о Богочеловечестве. Человек возвышается над всем мирозданием, потому что сама Вечность вошла с ним в контакт. Потому что он создан по образу и подобию Творца, потому что в нем как бы живет некая программа будущего... развития от существа, родственного животным, до существа, родственного Небу. Но была и другая традиция. Она родилась еще до христианства – традиция аскетической практики. Исключительно важная традиция...

Протоиерей Александр Мень

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Обращение к приходу

о. Александр Борисов
Неабсолютная ограда,
или Две стихии православия **2**

Приход: жатва и делатели

Годовщина гибели о. А. Меня
Ольга Ерохина
Не говори, что нет спасения **4**
Александр Зорин
Легко ли быть молодым **5**
Полина Кузьмина
Концерт «Доктор Джаз» **7**

Опыт окормления

Владимир Архипов
Община странных людей **10**
Ольга Ерохина
Другие рельсы **14**

Дороги паломников

Владимир Грудский
Лодка Иисуса **17**
Ольга Лашкова
Пермь великая **20**

Каждый пишет

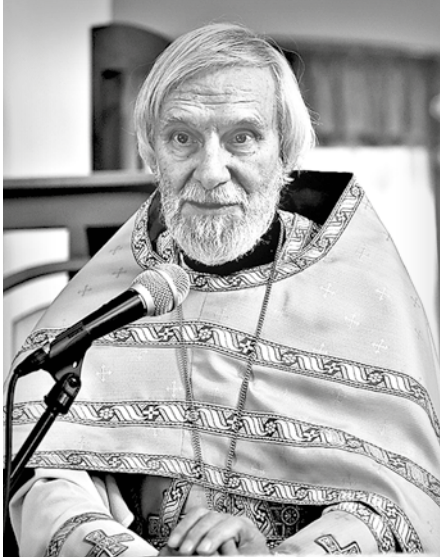
Лидия Маянц
Избранные стихи **23**

На вашу книжную полку

Наталья Сависько
Для детей важнее не слова, а опыт
личного свидетельства любви
О книге Антония Сурожского **27**

Неабсолютная ограда, или Две стихии православия

Протоиерей Александр Борисов,
настоятель

Дорогие друзья!

Начался новый Церковный год. Мы празднуем в сентябре Рождество Богородицы, которое напоминает нам и о нас самих, что мы рождаемся, чтобы стать носителями образа Божия. Поклоняемся Кресту Христову в Праздник Воздвижения Креста Господня, испрашивая у Господа сил и благодати для нашей жизни.

ной пустыни не был типичным, он был исключением в истории нашей Церкви.

Именно поэтому туда стремились представители культуры. Там были и... Достоевский, и Соловьев, и Лев Толстой, и Сергей Булгаков, и многие другие. Старцев и насельников этой обители волновали те проблемы, которые волновали культурные слои общества того времени. Именно поэтому и Толстой, и Достоевский могли обсуждать со старцами не только свои личные проблемы, но и общечеловеческие, общекультурные проблемы. Да, это было исключение. И вот именно поэтому Достоевский создал своего Зосиму, оглядываясь на Оптину пустынь, видя в ней как бы открытый вариант, открытое понимание православия, открытое понимание христианства.

Но в том же монастыре, который описан в романе, мы видим другого человека — старца Ферапонта, прославленного аскета, могучего старика, который ходил босым, в солдатской шинельке, препоясанного, как нищий. Он ненавидел старца Зосиму и даже в день его смерти не постеснялся прийти с обличением к его гробу.

В рамках одного православия, одной Церкви, одной культуры, одного монастыря сталкиваются две — причем сталкиваются очень резко — две как бы совершенно антагонистические стихии. Вот этот феномен, созданный писателем, и дает нам как бы первый намек на то, что внутри христианской культуры не все однообразно, не все может быть сведено к чему-то единому...

Православная культура опиралась на два источника. Первый источник был изначальный, самый главный. Это Евангелие. Это учение и провозвестие о Богочеловеке. То есть о тайне вечного и тайне человека. Это учение о том, что человек есть исключительно важное и высокое существо для Творца. Это учение о том, что человек возвышается над всем мирозданием, потому что сама Вечность вошла с ним в контакт. Потому что он создан по образу и подобию Творца, потому что в нем как бы живет некая программа будущего: развития от существа, родственного животным, до существа, родственного Небу.

Но была и другая традиция. Она родилась еще до христианства — традиция аскетической практики. Исключительно важная традиция. Она включала в себя богатейший опыт самонаблюдения, богатейший опыт внутреннего делания, то есть духовной работы по возрастанию человеческой личности. Но эта... традиция, принятая Церковью через несколько столетий после явления Христа, стала рассматривать окружающий мир как нечто чуждое, внеположенное ему, как то, от чего нужно отшатнуться и бежать.

И вот эта тенденция незаметно стала господствующей. В этом противоречии мы должны различать два понятия мира.

Неотмирное, чуждающееся окружающего бытия, истории, творчества, культуры христианство развивалось своим путем. И в истории отечественной культуры происходит столкновение этих

Мы также вновь вспоминаем мученическую кончину (9-го сентября 1990 г.) замечательного Божьего служителя — протоиерея Александра Меня, который своими книгами и общественными выступлениями многим тысячам людей помог обрести веру в Господа Иисуса Христа.

Желание моего сердца привести несколько выдержек из лекции о. Александра, которая была прочитана 25 января 1989 г. в Доме культуры Московского завода автоматических линий. Лекция называлась «ДВА ПУТИ ПОНИМАНИЯ ХРИСТИАНСТВА». Содержание этого выступления очень важно для всех нас и сейчас.

***

«В "Братьях Карамазовых" Достоевский пишет о двух полярных фигурах: старец Зосима и его антагонист Ферапонт. Старец Зосима написан Достоевским как светлый образ, как носитель широких, просветленных взглядов на мир, на человеческую судьбу, на отношение человека к вечности, к Богу. Некоторые литературоведы считают, что этот образ написан со знаменитого старца Амвросия Оптинского. Монастырь в Опти-

двух линий. Столкновение, которое переходит в антагонизм.

Мирскому была предоставлена почти вся инициатива. Социальная справедливость, устройство общества, все это было в сфере государства, отброшено от Церкви. И возник горький внутренний раскол.

Весь XIX век этот раскол углублялся. В то время появился известный деятель русской культуры, архимандрит Федор Бухарев. Он первым поднял вопрос о том, что вот эти два понимания надо соединить, что проблемы, которые волнуют человечество: культура, творчество, социальная справедливость и многое другое, – не безразличны для христианства. Напротив, в решении этих проблем духовные идеалы Евангелия могут сыграть немаловажную роль.

Затем появился Толстой, который поставил вопрос совершенно иначе. Для него традиционное понимание христианства – это только груз бесполезный. Он предложил все это отбросить для того, чтобы вернуться к изначальному ядру. Толстой как мыслитель никогда не был христианином.

Далее появляется Владимир Соловьев. И он поставил вопрос так: христианство соединяет высшее и низшее, божественное и человеческое. Его последователем уже в XX веке стал знаменитый наш соотечественник Николай Бердяев. Он заострил и сформулировал тему двух пониманий христианства: спасение и творчество. Эти позиции как бы враждуют между собой. Одна часть христиан считает, что самое главное – это просто внутреннее совершенствование и тем самым движение к спасению – и все остальное отбрасывают. Творчество осталось за пределами Церкви, как бы лишенным того света, который был заключен в импульсе Евангелий. И получилось странное: человек стал унижаться. Великое слово «смирение», о котором говорит нам Христос, превратилось в синоним компромисса, жалкого примиренчества, в согласие со злом.

А это, в конце концов, работа в пользу зла. Отсюда неприятие любого протеста, неприятие любого смелого шага. Смиряться значит признавать зло. И хотя Христос говорит о себе, что Он кроток и смирен сердцем, Он никогда со злом не учил мириться. Здесь про-

исходило уничтожение человека. В Евангелии есть проповедь и о человеке, о величии человека, на которого падает небесный свет.

По трактовке Бердяева, смирение – это открытость ко всему как готовность принять иную точку зрения, как готовность слушать и слышать голос человека и голос Божий. Бердяев пытался найти единство между этими противоположностями, которые разрывали Церковь.

Почему нам важно знать об этом сегодня? Мы возвращаем в нашу культуру утраченные ценности, вместе с ними и ценности, созданные Русской Православной Церковью и христианством в целом на протяжении веков. И люди, которые недостаточно ясно представляют себе все богатство и глубокую противоречивость христианского феномена, думают, что христиане – это нечто однородное, что Церковь – это нечто такое, что имеет свое определенное официальное мнение, имеет определенно разработанную систему идеологии с теорией и практикой.

И они будут обескуражены, когда увидят, что внутри этого исторического потока есть множество самых различных и противоречивых течений. Это надо учитывать.

Антагонистические, казалось бы, моменты отрицающего культуру христианства, и другого, которое стремится участвовать в творчестве, были когда-то в Церкви соединены. И когда христианство вышло на арену античного мира, перед ним встал вопрос: как быть со всем этим наследием? С философией, искусством, литературой, вообще со всем огромным зданием античной культуры? Сказать, что все это изжито? Что все это надо

выбросить? Многие готовы были пойти по этому пути.

Но основной ответ классиков христианской мысли был позитивным. Христианство может и должно быть открытым ко всем этим проблемам. Поэтому вы можете найти у Иоанна Златоуста не только рассуждения о несправедливости, но и попытки бороться с социальным угнетением, несправедливым распределением материальных благ. У Блаженного Августина – знаменитое высказывание о том, что государство, живущее без закона, в принципе ничем не отличается от шайки разбойников. А у Василия Великого – работу о значении для христианской молодежи языческой литературы. Вы найдете у Григория Богослова чудесные юмористические письма, стихи, которые он писал своему другу.

Возвращение сегодняшнего (на протяжении последних ста лет) христианского мышления к традициям Отцов Церкви и есть возвращение христианства к открытой модели, принимающей участие во всем движении человеческого общества.

Духовное сообщество людей, идущих к высшей цели, несомненно, представляет собой все-таки некое обособленное целое, и в то же время это сообщество открыто всем и всему миру. Основание Церкви уходит в древние ветхозаветные времена. Когда Бог призвал Авраама, Он сказал ему: отделись, выйди из своей страны, из дома своего отца, стань странником. Обособление. И в то же время ему было сказано: но через тебя благословятся все племена и народы земли.

Вот эта антиномия, этот парадокс Библии, он остается живым и сейчас. Да, тот, кто хочет глубоко, духовно развиваться, должен выстраивать ограду вокруг своей души. Иначе шум мира все заглушит. Но в то же время тот, кто не хочет превратить это в маленькую резервацию, в душный лампадный мирок, в котором дух не может жить, тот человек не должен делать эту ограду абсолютной. Это как вдох и выдох. Это как общение с многими и общение с одним. Это как уединение и общение. Это как день и ночь. Это как то, что соединяется вместе.»

О. Александр Мень:
31 год со дня гибели

Не говори, что нет спасенья

Как-то на лекции отцу Александру Мень задали вопрос: можно ли христианину жить, не идя на компромиссы. Он ответил:

— Мне довелось расти среди христиан, которые никогда не шли на компромиссы. Некоторые из них за это сидели.

У них была общая жизнь с его трехлетнего возраста, когда Маруся (Мария Витальевна Тепнина) встретила с Еленой Семеновной, его мамой. И даже дни рождения совпадали, она тоже родилась 22 января, только тридцатью годами раньше. Я помню два таких дня рождения — у Светы Домбровской в Пушкине и в Новой Деревне у прихожанки из местных жителей, Марии Дмитриевны. Есть даже фотография: Маруся между о. Александром и Павлом, братом его, а за его спиной икона — усекновенная глава Иоанна Предтечи.

Познакомились они вот каким образом. Был канун Рождества, все-нощная. А Маруся перед тем угорела, топя печку у себя в Лосинке, и вот на службе ей делается дурно, она падает в обморок. Приходит в себя — кто-то с нею говорит, ухаживает за ней, и это как раз оказалась Леночка, Елена Семеновна Мень.

Маруся Тепнина регулярно занималась с Аликом Менем катехизацией. В доме часто звучало чтение Писания, проникновенно проживались праздники. И она была свидетелем того, как в четырехлетнем возрасте, едва научившись писать, он начертил печатными буквами: «Не будь побеждаем злом, но побеждай зло добром».

Марусю арестовали, за «участие в антисоветской церковной организации и антисоветскую агитацию», когда Алику было 11 лет. После лагеря присудили «вечную ссылку» — так и писалось в документе, и требовалась к сему твоя подпись. Это было новшество, изобретенное НКВД. Трудно было это вынести после всех надежд, были даже случаи самоубийства на этой почве.

— А я подумала: тоже мне, нашлись распорядители вечности! — рассказывала Мария Витальевна, — и с легкостью необыкновенной подмахнула им эту бумажку. А через три года Сталин умер, и «вечность» кончилась.

Возвращение, встреча.

— Радость была всепоглощающая: «Марусенька! — Алики!»

Она вошла в число его духовных детей, как и Елена Семеновна.

...Идем по новодеревенской улице к автобусу, «на уголок» — отец Александр впереди, с кем-то, беседуя, я с Еленой Семеновной под ручку. И вот она говорит, на него глядя:

— Поседел весь... Он ведь меня должен слушаться как сын, а я его — как духовного отца.

Я спросила Марию Витальевну, что бы она рекомендовала читать моей дочке Кате. Она вспомнила регулярное «Задушевное чтение», которое они получали по почте, под редакцией Клавдии Лукашевич, и в нем среди другого было стихотворение, которое она читала, поступая в гимназию, и которое ей вспоминалось в трудные годы. Такое:

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды.
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Ольга Ерохина

Александр Зорин

Легко ли быть молодым

о. Александр Мень и Моргенштерн Алишер

1990 год... Начало лета. В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького праздник газеты «Московский комсомолец». На открытых сценах выступают артисты, писатели, поэты. На одной из них – отец Александр Мень. Главный редактор знал, что Мень собирает большие аудитории, и поместил его имя на афише.

Есть одна, после его выступления, редкая фотография – собирательный образ. Он в окружении молодых людей, сзади теснятся еще. Ближние – 5 человек, всем, кроме пожилой женщины, слегка за двадцать.

совершенно новым содержанием, которое открывалось мне впервые: Бог, вера, доброта, надежда, прощение, любовь. Всмотритесь в лица – счастливые, иначе не могу их назвать».

Девушка в очках, на груди модное колье. Правая рука с разжатыми пальцами касается губ. Глубоко задумалась, не может выразить наболевшее... сокровенное... Молодой человек рядом. Белая рубашка, распахнутый ворот. Восхищен! Он наконец-то встретил того, кто словом своим спасет его, его друзей, а, может быть, и наше несчастное отечество... Он недавно отслужил в армии, нахлебался там вся-

У нее тоже тьма вопросов... Как бы их совместить с тем, что говорит этот необыкновенный человек... Священник?.. Никогда не слышала священников, да и не видела...

И еще одна молодая, чуть в стороне. Она потрясена. Она благодарна батюшке за откровение, которое отвечает на ее главный вопрос... Узнать бы, где служит, в каком храме?..

И между ними седовласая женщина. Слушает отстраненно, не глядя на говорящего. Вспоминает, быть может, то время, когда таких батюшек ставили к стенке или гноили на Соловках... Не верит своим ушам... В каком храме служит этот проповедник? Расскажу о нем дома своим детям, может быть, съездим в его храм?..

А те, что толпятся сзади, тоже молодые, только что слышали его со сцены... Но мало, хотят слушать еще.

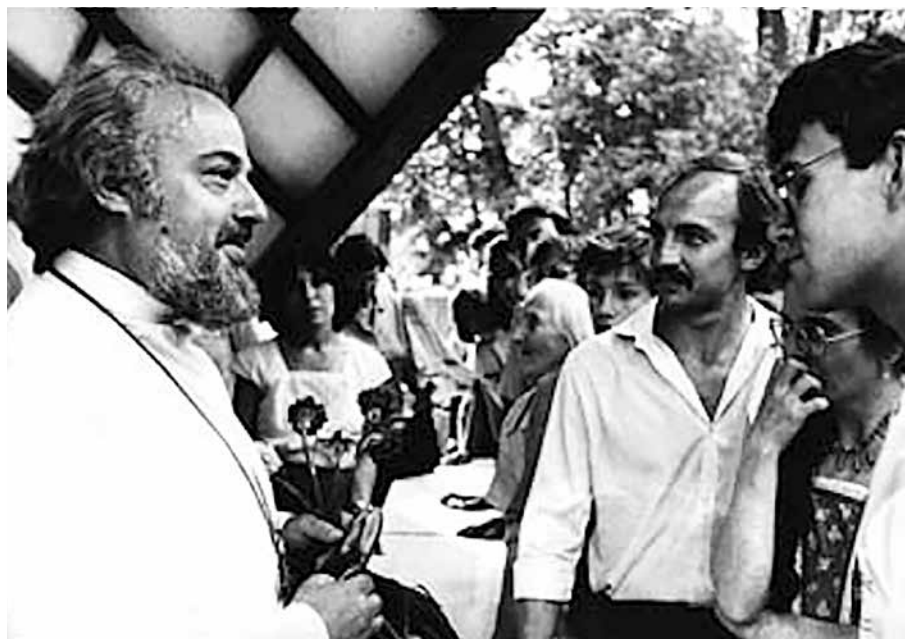
Его лицо, чуть смущенное, озаряет дружеская улыбка. В руке три гвоздики. Чье-то признание.

Его лекции в различных аудиториях были переполнены слушателями. Молодежь преобладала. Многие тогда пришли в Церковь...

И многие, через короткое время, отхлынули от нее. Не убийство отца Александра испугало их. А отсутствие там благодатного света, ясности...

Скоро посыпался и компромат на многих «служителей культа» – в свободном медийном пространстве компромат общедоступен. Молодому человеку, пришедшему в Церковь из безбожного мира, трудно объяснить, что Церковь непорочна, но это не распространяется на всех ее служителей. У того поколения, крупицы которого тогда окружили о. Александра в Парке Горького, наверное, уже выросли внуки... У них свои интересы, страсти, вкусы.

Один из сегодняшних кумиров молодежи, пожалуй, самый востребованный, понтовый репер – Моргенштерн Алишер. Он называет себя дьяволом. На Лбу четко чернеет тату «666». Его девиз –

Каждое лицо характерно, портретно. В сумме – образ той молодежи, которая на путях перестройки блуждала в поисках Пути, Истины и Жизни. Именно так называется цикл его книг о религиозном пути человечества.

Ребята обращаются к священнику со своими вопросами, проблемами. И хотели бы получить ответ от него, которого только что слышали, которому, как они решили, можно довериться.

Вот что пишет автор этой фотографии: «Я услышал простые обычные слова и, вместе с тем, с

кой чуши, бессмыслицы тупиковой, а выход есть...

Рядом, слева, другой молодой человек. В очках. На лице печать явного интеллекта. Он вдумывается в нетривиальную мысль, высказанную отцом Александром. Он тоже надеется, что его будущее состоится, быть может, обнадешенное неожиданным прозрением. Доверие, чуть приглушенное университетскими знаниями. Которые базировались на атеизме... Но доверия все-таки больше...

Девушка, за плечом у первого, задумалась над услышанным...

под долбежным ритмом – дозволенная раскрепощенность! Делай, что хочешь. Я на сцене, а вы, там, внизу, прихваченные наркотой, трясите руками и ногами, прыгайте, по моей команде – вопите. И вопят, и дрыгаются сообща, «высвобождая» свои душевные темноты. А на сцене режущие всполохи прожекторов, столпы огня и дыма, синхронные асси-

стеннты, обворожительная обнаженка. Грохот и ор.

Вот некоторые названия из его репертуара: «Мне пох», «Уфор. Деньги», «Виски на завтрак», «Дуло», «Владимир Путин – молодец», «Пососи», «Моргенштерн стал католическим священником». Гримасничает, скачет перед святым престолом. За православный мог бы огрести по полной, как

Pussy Riot. А католиков давай, «изобличай». Они нам «пох». На фоне доступных женских прелестей. Ну, пожурил один ксендз... Даже если в суд подадут и штраф назначат, откупится. Недавно 10 млн рублей подарил больному ребенку. Милосердный, дьявол.

Билеты на его концерты – от 1 000 до 7 000 рублей. Раскупаются мгновенно.

Высокомерен, насмешлив, нарочито артистичен. «Лучший российский исполнитель». «Музыкант года». Юный, двадцатидвухлетний, миллионер. В клипах частый аргумент – горы и тучи взлетающих купюр. Он, купаясь в их месиве, свидетельствует: и вы станете такими же успешными и богатыми, исповедуя МОЮ свободу.

Врач-психиатр об этом прославленном феномене говорит: беспросветный инфантилизм, диссоциативное расстройство личности.

Но чем можно отвратить молодежь от соблазнительного наркотика, когда подлинные культурные ценности ей недоступны, а Церковь отпугивает.

Музей, благословенный о. Александром

В памяти нашей, в душе нашей навсегда останется отец Александр Мень, павший от руки неизвестного убийцы 9 сентября 1990 года. Да, имя исполнителя этого злодеяния мы не знаем, но какие за ним прятались силы – враждебные светлему образу нашего батюшки – догадаться нетрудно...

Хочу рассказать о благословленном отцом Александром Мением Музее Бердяева в Москве и духовном чаде о. Александра Мения Александре Цветкове (Вадимове).

Отец Александр Мень снимался в 1991 году в фильме «Бердяев», а музей был создан по его благословению, и субсидировал это дело Юлиан Семенов.

Александр Цветков (Вадимов) успел выпустить книгу «Жизнь Бердяева. Россия» (1993 год) и в 27 лет ушел из жизни от рака.

Будучи духовным чадом о. Александра Мения, получал от него и благословение, и постоянную помощь.

Материалы для музея он начал собирать года за три до этого. Оказалось достаточно для рассказа минимум на три часа.

Были экскурсии от музея по московским адресам Бердяева (бесплатные) от Манежа.

Кадр из фильма «Бердяев»

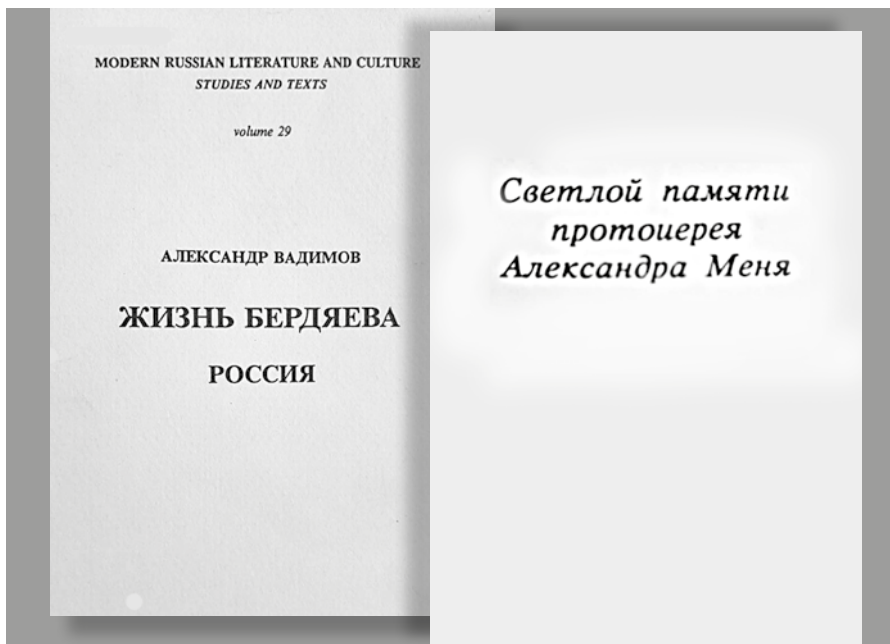
По объявлениям в газете «Досуг в Москве» собирали до 80 человек, шли двумя группами по разным маршрутам.

А свою книгу о Бердяеве автор, уже при смерти, успел поддержать в руках...

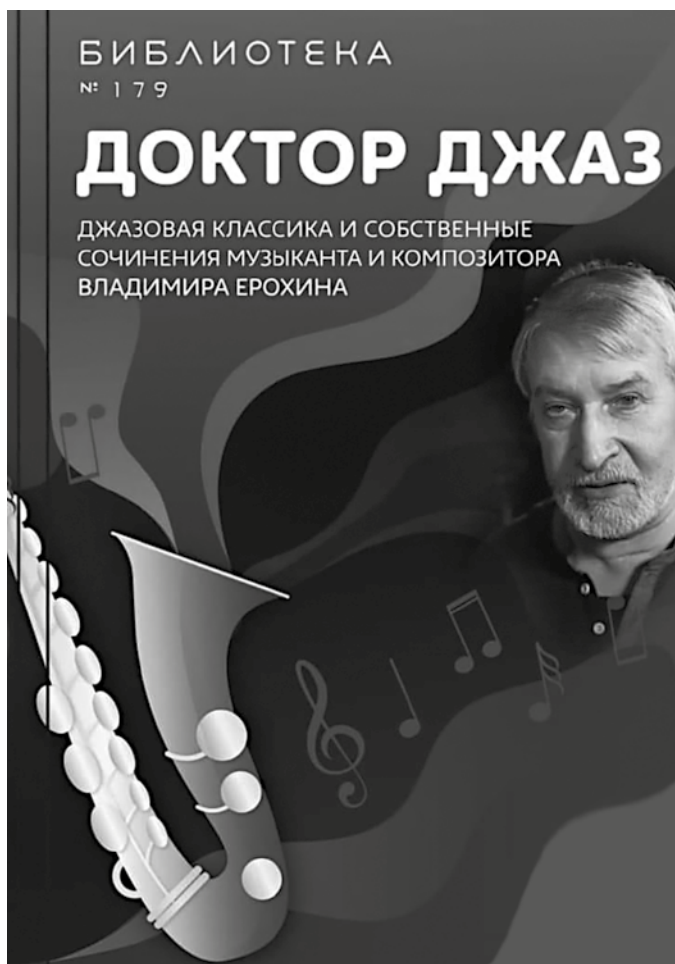
Смерть нашего ровесника поразила каждого, одинокими оставив его молодую вдову и дочь Лидочку (названную так в честь жены Бердяева – Лидии Юдифовны).

Сашин музей прекратил свое существование. Мы, сотрудницы музея, будучи при обязанностях перед семьями, занялись другими задачами.

Елена Кутыгина

Концерт «Доктор Джаз». Общечеловеческая связь через музыку

Любимая пьеса отца Александра Меня

6 июня, в день прославления блаженной Ксении Петербургской, в библиотеке №179 прошел сольный концерт Владимира Ерохина. Были исполнены джазовые композиции на тенор-саксофоне. Исполнено было интересно, с элементами импровизации и своеобразными каденциями. Остановлюсь на нескольких пьесах.

В первом отделении были исполнены, в частности, «Возьми меня в полет на луну», «Поезд А», «Высоко луна», лунные и железнодорожные темы. Относительно последней указанной композиции, как рассказал Владимир Ерохин, из импровизации на эту тему вышла композиция Чарли Паркера «Орнитология». Чарли Паркер основательно усилил тоно-полутоновые пассажи, так из импровизации получилась даже не вариация, а самостоятельное произведение.

Композиция «Сент-Луи блюз» Уильяма Хенди, как ее представил Владимир Ерохин, была одной из любимых джазовых пьес о. Александра Меня. Там плавное движение по терциям, с повышением и понижением третьей ступени, что местами создает мажор-минорное звучание, ходы по полутонам вниз дают особое настроение. Владимир Ерохин играл с элементами импровизации и закончил с введением тем из двух других блюзов, как он сказал, так играл Армстронг.

И версия для саксофона прелюдии ми-минор Ф. Шопена, которая своими мелодическими и гармоническими особенностями пришлась по вкусу джазовым музыкантам. Действительно, можно сказать, что ряд интонационных моментов у некоторых композиторов эпохи романтизма, таких, как Шопен, Берлиоз, Паганини, новые гармонические находки и большая, так скажем, разрешенность переходов интервалов и аккордов, чем та, которой придерживались в классицизме, действительно, нашли свой отклик у джазовых музыкантов 20 и 21 вв., только все-таки играют они их по своим куплетным схемам, иногда в свинговом ритме и с частичной заменой гармонии.

Владимир Ерохин рассказал историю, как композитор Гектор Берлиоз подсказал Адольфу Саксу называть инструмент саксофоном и использовал его звучание в своих сочинениях. И возвращаясь к романтикам и джазовым музыкантам, несмотря на то, что джаз родился вроде бы из спиричуэлс, госпелов, блюзов, неожиданная и первоначально, возможно,

независимая друг от друга переключка интонаций и аккордов в музыке разных культур и отчасти эпох, свидетельствует скорее об общечеловеческом характере музыки. Если есть то, что роднит человечество, то, возможно, есть и общечеловеческая связь через музыку от Адама и через Господа Иисуса Христа.

Это то, что прозвучало в первом отделении. Во втором отделении прозвучали собственные сочинения Владимира Ерохина. Особенно запомнились «Этот день» и «Корвет». Я их раньше слышала только в записи. «Этот день» – что-то такое текучее, образ ретро, что-то напоминающее, может быть, Глена Миллера, а «Корвет» – широкие интервальные скачки, немного рваный, иногда свингующий ритм мне опять же напомнили Чарли Паркера и стиль би-боп. По моим воспоминаниям, именно с музыки Чарли Паркера я стала обращать внимание на джаз. Однажды в 1996 г. на радио шла передача о повести Хулио Кортасара «Преследователь», о том, что одним из прототипов героя стал Чарли Паркер. И при этом рассказывались моменты из биографии реального Паркера. Он говорил: «Сегодня я уже играю завтра». Вот это претендующее на некое общечеловеческое начало, сегодняшнее музыкальное предчувствие завтра и было характерно для выбранной Владимиром Ерохиным концертной программы.

Полина Кузьмина

Инеcса Мартын

Доктор Джаз

Владимиру Ерохину

Исполнен обаянья саксофона голос,
как у мужчины: тенор, альт и баритон.
То смена знойных и холодных полос,
когда змеистую трубу сжимает – он.

За музыку спасибо Вам, Маэстро!
Ей Богу, это был чудесный джаз.
Вы в одиночку стоите оркестра.
Импровизацией околдовали нас.

Колонка Михаила Завалова

Практическая эсхатология под названием община

Мудрый библеист Н. Т. Райт указывает на одну удивительную закономерность в посланиях Павла, когда тот пишет о христианском поведении: апостол не столько дает практические советы и наставления на тему «как поступать в таких-то случаях», сколько учит опираться на один устойчивый принцип. А именно: старайтесь жить, призывает он, так, как вы будете жить в грядущем веке, после восстания из мертвых. «Ну почему вы кичитесь вашей духовностью? — пишет он коринфянам, которые явно искали ответы на конкретные вопросы. — В грядущем веке она ничего не будет стоить, там останется только любовь. Почему вы обращаетесь в суды для разрешения споров между вами? Стыдитесь — ведь вам предстоит судить ангелов». Это была просто пара примеров навскидку.

Если Райт прав, значит, этика и эсхатология — простите за умные слова на Э — неразрывно связаны. Значит, я готовлюсь к жизни будущего века, в первую очередь, в кругу моих отношений, который я условно называю «общинной» (я просто не знаю термина лучше, согласно моему словоупотреблению, это любая не слишком большая группа, которая сознательно проводит время вместе и заботится о внутренних взаимоотношениях: группа чтения Писания или милосердия, а иногда просто сотрудники или круг людей, не подозревающих, что они — «группа чего-то» или «община»).

И такой принцип работает и в обратную сторону: опыт общины дает мне шанс уже сейчас, зримо и телесно, соприкоснуться с грядущим миром. Так воскресение мертвых действует в жизни самым конкретным образом.

В частности, община — то место, где ты на деле учишься разбирать барьеры между людьми: между богатыми и бедными, учеными и нет, ловкими и растапами, старыми и юными... и даже между христианами разных направлений. И ты открываешь, что единство возможно в нашем мире, хотя порой оно делает жизнь крайне сложной и неудобной. А это соответствует замыслу Бога о семье людей, в которой нет ни эллина, ни иудея.

Еще одно чудо, что в общине — скажем, в наших общинах «Веры и света» — «бедный» и презираемый становится важным человеком, как будто тут исполнилась песнь Девы Марии: богатые, сильные и гордые спустились со своих почетных мест, чтобы уступить место униженным и последним. А одновременно тут можно увидеть живые примеры хорошей, нужной и мудрой власти, которая не ищет привилегий для себя, но служит слабым, чего мы почти никогда не встречаем в обычной жизни.

И это рождает радость — на фоне всех напряжений жизни и страданий. Оказывается, радость может жить рядом с крестом, более того, похоже, тут действует такой закон: чем больше ты открыт к страданиям, тем больше открыт и для радости. Воскресший Иисус почему-то продолжает носить на своем теле знаки креста.

Такой «эсхатологический» взгляд радикально меняет мое отношение к этике. Что-то делать, потому что так велит Бог (или какой-то еще авторитет), — скучно и бескрыло. Когда же я думаю: надо поступать определенным образом, потому что именно таким я призван быть в том более настоящем мире, где царствует Бог и преодолено зло и где я могу наконец стать в полной мере собой, — это мотивирует меня гораздо сильнее.

В таком случае жизнь с другими — это нечто вроде репетиции: мы разучиваем новую песню, чтобы уверенно подхватить ее при всеобщем ликовании грядущего мира. Если же я не усвою ее слов и нот, я рискую оказаться чужим на торжестве торжеств, куда все приглашены, на пире нищих, на брачной вечере Агнца.

Так что стоит быть реалистом и начать готовиться к жизни будущего века уже сегодня и вместе.

Община странных людей и белых ворон

Ментальные инвалиды и Церковь

Протоиерей Владимир Архипов, священник российской общины «Вера и свет», рассказывает о своем 20-летнем опыте окормления людей с ментальной инвалидностью

ЗАЧЕМ НАМ ВСЕ ЭТО?

Первое, над чем задумываешься, когда появляется возможность или необходимость объединения в общины людей с ментальной или иной тяжелой инвалидностью, — это о смысле: а нужно ли это им, и что им нужно? Нужно ли это Церкви и зачем и что она может им дать? Я думаю, заниматься этим нужно, больше того, необходимо. Польза может быть и для инвалидов, и для Церкви.

Семьям, где есть дети с ментальной инвалидностью, необходимо отношение, которое снимало бы с людей тяжелейший комплекс отверженности, «ненужности», неполноценности в глазах общества так называемых «полноценных». Так уж устроено наше «нормальное» подсознание, что рождение ребенка с дефектами интеллекта и психики наиболее травмируют родителей. Такое событие звучит как пожизненный постыдный приговор.

Семья мгновенно переходит на самоизоляцию, вынужденное самозаточение в пределах квартира-больница. Многие годами чувствуют себя изгоями, несчастными,

прокаженными. На долгое время возникает устойчивое неприятие себя и своего ребенка. Семья находится в атмосфере низкой самооценки и разрушительной силы чувства вины. Люди стыдятся себя, своих детей, лишают себя право любить себя самих. Сознание отверженности тяжелейшим образом лежит на таких семьях.

Мне запомнился рассказ одной мамы ребенка-инвалида (типичный случай): когда она выходила

Конечно, это во многом было болезненное чувство необоснованного стыда и позора. Один знакомый делился переживаниями. На улице его случайно попросили побыть с больным ребенком, пока мама забежит в магазин. «Мне было стыдно стоять рядом с умственно-отсталым, потому что прохожие могли подумать, что я имею к нему какое-либо отношение».

Однажды, оказавшись при разговоре Жана Ванье с отцом

из дома со своим сыном, чтобы ехать на другой конец города, на занятия в центр лечебной педагогики, она опускала голову, надвигала на глаза шляпу, только чтобы не видеть любопытные, насмешливые или жалостливые взгляды. Всю дорогу она мечтала только об одном: быстрее добраться туда и обратно. Она ждала, когда же наконец закроется дверь квартиры и она останется один на один со своим горем. Она чувствовала, что все на них смотрят как на излишний элемент общества.

Александром Менем о проблемах семей с умственно-отсталыми детьми, я понял, что мы, люди, которых минуло такое испытание, оказываемся, можем быть им чем-то полезными. И зная, что такие семьи есть, уже нельзя делать вид, что их нет.

Нет сомнений, что все общество несет ответственность за всех рожденных с тяжелыми недугами, в том числе и генетическими. Многие не согласятся и возмутятся. Но стоит подумать, хотя бы только об экологии среды обита-

ния, об уровне медицины, о нищете, об отношении общества к человеку и человека к самому себе, о духовной экологии, – может быть, мнение изменится.

Любая мама, у которой родился проблемный ребенок, вопиет к Богу «за какие же грехи?» Если уж говорить о грехе, то в первую очередь не грехе родителей, но о грехе разлитом в мире, как о причине безумия, охватившее человечество. Бог строг, но не жесток и не мстителен. Бог и Его законы поправны, нашей жизнью правит жажда власти, славы, плоти. Иисус их победил, а они победили нас.

Теперь о том, зачем это надо Церкви. Мне кажется очевидным, что помогать инвалидам, быть рядом с ними, это соответствует духу Христа. Всемогущий Бог, умалил Себя, стал человеком, гонимым, нищим, бесславным. Его не узнали, не поняли, предали, унижали, били, над ним смеялись. То есть Иисус испытал на Себе всю горечь и боль жизни среди людей. Он пришел и был среди мытарей и блудников, говорил и делил трапезу с бедными, больными, увечными, нищими, отверженными. Он пришел к грешникам, а не праведникам и пришел послужить, а не потребовать служение. А поскольку Церковь – община Его учеников, то она и должна брать пример с Учителя, как Он Сам сказал.

ДРУГ, А НЕ СОЦРАБОТНИК

Очень важный момент: общение с такими людьми должно быть ни социальной работой, ни гуманитарной помощью, ни подменой собой государственных служб. Община, объединяющая такие семьи должна стать в первую очередь средой, где восстановлены в правах любовь, ценность человеческой личности, уважение. В ней должна обитать атмосфера, в которой люди, забывшие или не знавшие что такое любовь, смогут поверить, что их любят.

И любят не из жалости и не по долгу веры, а как равноценных людей и болезнь не лишает их этого дара. Можно сказать, что община задумана как новая страна, которую населяют люди, согласившиеся учиться жить в доверии, любви, уважении свободы каждого. Это необходимые условия исцеления

души. Община, главной сутью, которой является сопребывание друг с другом во Христе. Звучит общепонятно, но без Христа никакое сообщество любви не может долго существовать и развиваться.

Благодаря именно такому устройству возможно принятие человеком себя, других, своей ситуации. Принятия себя предполагает примирение с собой, с окружающим миром и с Богом. А к Нему обычно бывает очень много острых вопросов, которых в общине не боятся. Поэтому в центре духовности общины стоит опыт прощения. Не простив себя, Бога, судьбу, родителей, равнодушную государственную машину невозможно обрести внутренний мир в сложившейся ситуации. Без него душа будет жить в постоянном надрыве и стрессе, загнанном страхе за настоящее и будущее.

Другой столп жизни общины, которым является любовь, создать еще более сложно чем доверие и прощение. Но она должна быть краеугольным камнем в проекте общины. Все участники «Веры и Света», как и вообще все люди, ощущают дефицит настоящей любви и поэтому терпеливо идут к этой цели по ступеням терпения и служения. Новую среду «обитания» создают все вместе – и родители, и дети, и друзья, и сочувствующие.

Друзья – это те «странные» люди и «белые вороны», которым оказалась небезразличной судьба семей, на которых выпал тяжелый жребий борьбы за достойную жизнь с тяжелой болезнью детей. Этим словом «друг» точно выражена суть этих людей в общине «Вера и свет». Как правило это молодые люди (студенты, школьники, служащие), не равнодушные к страдающим и нуждающимся в заботе. Правда первый «призыв молодежи» уже вошел в разряд бабушек и дедушек. Каждый, кто хочет заниматься с инвалидами, должен понять, готов ли он стать им другом.

Чтобы помогать людям с ментальной инвалидностью, надо понимать, что они не меньше по своей значимости для Христа, чем любой преуспевающий и «полноценный», чем ты сам. Вот основание для работы с семьями, находящимися каждую минуту своей

жизни под тяжестью необратимых проблем. Должна сформироваться собственная жизненная установка – пред Богом одинаково ценна личность каждого человека, независимо от его интеллектуальных или физических особенностей.

Необходимо искренне быть уверенным в этом самому и тогда можно дать почувствовать родителям и детям, что они уважаемы, достойны, ценны, любимы. Если работа с инвалидами становится твоим призванием, ответом на призыв Бога, то складывается продуктивное общение. Друг приходит к ребятам не как социальный работник, принося продукты, а для общения, побыть вместе, поиграть, посмотреть в глаза, прикоснуться друг к другу, обняться. Уровень общения и контакта зависит от внутреннего принятия и преодоления в себе страхов, сомнений, неуверенности. Интуиция и сердечное расположение подсказывают, как с каким человеком ты можешь установить контакт. И человек это чувствует, понимает, как к нему относятся, с уважением, искренне или это просто формальное выполнение социальной службы. В ответ на искренность он отвечает участием и благодарностью.

ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ

Из этой дружественной интонации и складывается определенная форма общения и занятий. Важным устройством всего является дух творчества. Вариантов много. Это – встречи, разговоры, праздники, спектакли, общая трапеза, прогулки, походы в музеи, летние лагеря, чтение Священного Писания, молитвы, Божественная Литургия, исповедь, причастие.

На встречах обычно читается и объясняется Евангелие, разыгрываются отдельные смысловые эпизоды. В зависимости от состава группы и момента совершаются различные формы молитвы. Но всегда подчеркиваются простыми акцентами, что община предстает перед Святыней. Это чувствует любая душа. Нет задачи вычитать определенное количество и перечень молитв, утренних или вечерних. Молитва строится как общение с Богом каждого и всех вместе. Молитвы разные – благодарственные, покаянные, перед едой, за близких и родных, при встрече

при расставании. Вместе поют известные всем молитвы, часто взявшись за руки. Хороший знак единения. Что собственно мы и должны все чувствовать на церковной молитве.

Важное место в общении с такими людьми занимает проведение праздников. Возможностей много: дни рождения детей, родителей, именины, праздник рождения общины, Пасха, Рождество,

это летние лагеря. Наши общины существуют не на государственные средства, и нам нужны деньги, чтобы снять помещение для летних лагерей. А их столько, сколько всего малых общин. Так что задача организации лагерей непростая. Надо готовиться к поездкам, паломничествам, встречам в других городах и странах.

Важной формой общения является общая трапеза. Она орга-

Каждый год мы совершаем общее соборование для людей с ментальной инвалидностью, собирается много семей. Это таинство все ждут и стремятся в нем участвовать. Не смотря на трудности чисто физические (человек 70–80 детей и родителей) все пребывают в светлом и радостном состоянии, что не всегда бывает на приходских соборованиях.

ОСОБЫЕ ЛИТУРГИИ

Во время церковных богослужений ребята с удовольствием готовы участвовать и помогать. Выход со свечой перед Евангелием, выход на Великом входе, поднести записки, кадило – это бывает по силам. Некоторые встают в хор, подпевают, следят по книгам, хорошо знают последовательность службы и внутренне участвуют. Кто-то с удовольствием подметает территорию вокруг храма, выполняет посильные физические работы.

Служатся у нас и отдельные литургии для общины. Люди с ментальной инвалидностью не могут неподвижно простоять полтора-два часа, сохраняя тишину. На литургии, которая служит специально для общины, они иногда ходят, разговаривают, но это не мешает службе. Некоторые люди, которые не могут ни двигаться, ни сидеть, просто лежат на полу, им постилают коврик и кто-нибудь находится рядом. Когда Господь находился среди людей, больных, мытарей, грешников, они же не стояли благоговейно, затаив дыхание. Когда он исцелил парализованного, лежавшего 38 лет у купели Вифезда, это же было место, где и стоны, и крики, и запахи, тяжелое место, где лежат люди по много лет. Иисуса это не смущало.

Есть разные точки зрения на такие литургии. Кто-то считает, что они не нужны, что лучше инвалидам молиться со всеми. Наш опыт показывает, что нужны и те и другие Литургии. Даже если все постоянные прихожане как бы и готовы принять необычных гостей на богослужение, все равно важна Литургия для общины, как единого целого организма. Не потому что это закрытая община. Нет даже такого намерения. Когда объединяется община «Вера и Свет» с приходской, с одной стороны при-

Начало года, завершение года, Сретение как главный праздник всей общины. Праздники готовят вместе родители, друзья, дети. Дух творчества и самоотдачи создает сценические и кинематографические шедевры. Дети обязательно участвуют, некоторые сами пишут пьесы, сценарии. Итог всегда всех радует. Часто устраиваются выставки рисунков, творческих работ, стихов и прозы.

Каждый год устраиваются ярмарки. Обычно на Рождество. Событие большое и торжественное, важное для всех сфер нашей жизни. Община готовится задолго. Участвуют дети и родители, друзья, друзья друзей. Обычно она охватывает большой круг заинтересованных людей. После нее нередко появляются новые друзья. На ярмарке продаются изделия детей и всех желающих – рисунки, книги, поделки, игрушки, пирожки т.п. Играют музыканты свои и гости. Вырученные деньги идут на другую форму нашего общения –

низуется опять всеми участниками общины. Проводятся они и во время регулярных встреч в течение года и на праздники и после Литургии. Это не просто утоление голода, но дружеское общение, развитие отношений, принятие других, опыт послужить другому, познание себя и других, опыт победы над собой.

Есть еще одна форма нашей жизни: встречи с родителями и друзьями. У родителей и друзей достаточно много острых вопросов к Богу, к себе, друг к другу. Мы вместе думаем, ищем ответы, задаем новые. Читаем Евангелие, пытаемся понять, как согласовать реальную жизнь, страдание и несправедливость, зло мира и слова Евангелия о прощении, любви, терпении, о счастье, умении не осуждать и т.п. Да и вообще, можно ли в нашем мире жить по Евангелию, верить в любовь, оставаться порядочным человеком и выживать в немыслимых испытаниях.

хожанам полезно, но им трудно принять нарушения должной благочестивой тишины. Они сердятся, отвлекаются, им труднее сосредоточиться, забывают молиться. А у «Веры и Свет» создается дополнительное чувство неловкости и вины. Мы же все люди, с конкретным психологическим устройством, многие просто брезгливы и не могут стоять рядом с больным, бояться за своих детей. Кто-то не решается причащаться с одной лжицы с таким народом.

Совместная Литургия может служить гармонично для тех, кто принял эту общину, тогда они чувствуют особое единство друг с другом в таинстве Причастия. Хотя наш приход в Новой Деревне работает давно с такими людьми и наши прихожане как-то адаптировались, все равно мы стараемся привозить этих ребят, чтобы не мешать прихожанам и служить для них отдельно.

Следует сказать, что на Литургиях для общины чувствуется особое присутствие Христа. Потому что Он там, где страдание, там, где немощь, где отверженные, больные. Он среди тех, кто обделен человеческой любовью, среди тех на кого выпало особое зло мира. А в нашей стране эти люди именно такие, по крайней мере, психологически. Христос с этими людьми. Поэтому никто никогда из участников, каким бы не был тяжел его недуг, не может помешать такой службе – ни хождением, ни криком, ни сидя, ни лежа. Такая Литургия – всегда особая милость и доверие к участникам.

На таких службах, как ни странно, чувствуется большее благочестие, чем среди здоровых и «нормальных», там, где люди знают как себя вести. На общей Литургии дети, родители и друзья осознают, что находятся в особом мире и особом общении друг с другом и с Богом.

О СМЫСЛЕ ТАИНСТВА

Как объяснить смысл Таинства? Главное объяснение находится – в невидимом личном участии в таинстве любви и единства с Богом. Лучше всего это объяснение воспринимает человек, пытаясь открыть сердце Христу и вызывать к Нему из глубины своего страдания

и одиночества. Такое объяснение изнутри своего сердца, которое токует по настоящей любви, глубже и быстрее понимается, чем любые сладкие слова. Смысл любого Таинства становится понятным только от встречи с живым Христом. Но что это такое понимает далеко не каждый и здоровым, образованным умом.

Можно попытаться объяснить, что в особый момент Литургии

достаточно того, что мы видим, насколько это необходимо и решается на уровне сокровенного прикосновения Христа к страдающей и одинокой душе, через веру и надежду матери, через интуицию, а не по правилам, написанным в учебниках.

Священник, друзья, другие члены общины идут осознанно к этому таинству, в доверии и и надежде, искренне понимая не досто-

необходимо помнить, что среди людей сейчас стоит невидимо Христос, который пришел лично к тебе, к ней, к твоей маме. Но это тоже мало, что объясняет. Можно попытаться сравнить это с теми чувствами, которые они испытывают, когда они целуют иконы или прикладываются к мощам. Ребята понимают разницу между обычной трапезой и святой Трапезой со Христом. Они понимают, что это особый момент, которого они ждут и который не похож даже на самый лучший, который когда либо был.

Подготовка происходит на частных встречах малых общин прежде всего участием их в чтении Евангелия, когда они могут воспринять, что Христос прощает, любит, слушает. Пытаемся поделиться своим доверием, что Христос знает и ценит каждого из них. У нас нет задачи вывести ребят на уровень богословского понимания таинств исповеди и причастия. Мы не обольщаемся, но

инство, но дерзая на милость. Думаю, что это передается и нашим друзьям и мы в этом едины.

Многие ментальные инвалиды, хотя и исповедоваться и стремятся к этому. Конечно, исповедь проходит специфически, но самое важное, что священник и ребенок (или взрослый) встречаются на равных перед Богом. Когда человек это ощущает, пусть он молчит, не может сформулировать, но он предстает перед Любящим. И таинство совершается, также как над его родителями и друзьями. Многие сознательно готовятся и называют грехи, за которые переживают и стыдятся. Иногда, правда, чувствуется подсказка матери.

Хотя с трудом, но на эмоциональном уровне они понимают, о чем идет речь. И часто понимают больше и лучше, чем взрослые. Потому что взрослые полноценные, здоровые, начинают говорить вокруг да около, стесняясь, оправдываясь, переходя на уровень жалости к себе, рассказа о

тяжелой жизни, а ребята говорят по делу. Может быть, потому что за проступки их родители часто ругают, кричат, пытаются воспитывать. Возможно, что степень вины, присутствие вины у такого человека всегда есть: он знает, что он раздражает, он плох, он не нужен, он мешает, он отвержен. Это же ложится на психику, присутствует некое ощущение вины за то, что он такой. В таинстве и происходит примирение человека с собой и убивающее чувство вины снимается доверием к спасающему Христу. Это тоже часть восстановления любви человека к самому себе.

ГОТОВНОСТЬ ПРИНЯТЬ

Можно ли перенести опыт «Веры и света» на другие приходы? Теоретически можно. Думаю, что в некоторых храмах это уже существует. Главное увидеть в этом призыв не социальной службы, а Христову духа.

Если говорить о технической стороне, то иногда надо что-то переустроить и в убранстве храма. Когда к нам приезжают человек двадцать инвалидов на колясках,

это испытание немаленькое. Если храм сильно заставлен подсвечниками, надо приготовить площадку для колясок. Организовать помощников, которые будут закатывать коляски на пандус или заносить их, если пандуса нет. Нужна определенная внимательность, т.к. дети не оказались в непредвиденной ситуации.

Приход должен быть готов к нестандартному общению и служению. Не надо считать, что мы совершаем великий подвиг. Должно быть сознание, что мы едины перед Богом со всеми и благодарны, что пытаемся участвовать в деле человечности. Инвалиды, которые приходят в храм, попадают в достаточно устойчивую жесткую схему жизни прихода. Бабушки требуют, чтобы было тихо; многие новоначальные приходят и думают о чем-то своем, им мешает человек, который топаёт, разговаривает. Люди не должны забывать, что в храме нет своих и чужих, что ни у кого нет особого права перед Богом. Христос, прежде всего, принимает кающегося грешника, а не самовлюбленного праведника.

Чтобы организовать служение на приходе прежде всего нужны люди, которые почувствуют призывание к работе с такими семьями. Должно быть помещение, добровольцы, которые будут привозить, увозить своих подопечных, общаться с ними.

Не надо думать, что росчерком пера возможно устроить на приходе общину, в которой бы принимали людей с ментальной инвалидностью. Конечно, приказ начнет выполняться, но задача не в том, чтобы выполнить приказ, а надо, чтобы дело состоялось. Нельзя, чтобы помощь на приходе превращалась в статью отчета о благотворительной, умильной работе. Надо помнить, что мы хотим дать инвалиду – подарок, коляску, лекарство – это прекрасно. Если мы можем вернуть ему опыт любви, достоинства, понимание своей ценности как личности – это совсем другое. Пусть занимается каждый, чем может и на что готов.

*По материалам сайта
Милосердие.ру*

Ольга Ерохина

Как ткется жизнь

У меня сохранились листочки с записями 1989 года – моими и Миши, моего мужа, – сделанные по горячим следам после возвращения из польского лагеря «Веры и Света», где проводилась иппотерапия. Мы были полны этим новым опытом – как я говорила, Царства Небесного, рассказывали об этом повсюду.

Люди дивились, качали головами, и мы вместе дружно заключали, что – нет, у нас это совершенно невозможно себе вообразить... Тогда, летом 89-го, моей дочери Кате не было еще семи. И теперь в России 12 общин «Веры и Света», где участвует около 400 человек, включая нашу семью. Летом мы помогли в лагерях иппотерапии под Москвой. Все это удивительно – как ткется жизнь, как складываются обстоятельства. «Случайных встреч не бывает» – сказал когда-то наш священник, отец Александр Мень. Наверное, так.

О. А. МЕНЬ: НАУЧИТЬСЯ ДУХУ НОВИЗНЫ

Вот он, 89-й год, – я помню дух новизны в обществе, и летом отец Александр Мень благословляет нашу семью съездить в Польшу – там многому можно научиться, как он сказал, сам незадолго до того вернувшись из этой страны. Мы были не единственной семьей из новодеревенского прихода, которая впервые отправилась за пределы тогда еще Советского Союза по приглашению незнакомых польских друзей. И человек, у которого появлялись все новые гости из Москвы, в том числе и мы, поса-

дил нас в машину и отвез – в лагерь к Мариану. И – это таинственным образом решило нашу судьбу. В следующем году у нас дома уже собирались семьи с умственно отсталыми людьми, друзья – это было начало нашей общины «Вера и Свет». Когда я потом спросила человека, отвезшего нас в лагерь, – почему ты отвез нас именно туда? (были и другие маршруты) – он засмеялся и сказал: «Надо же было вас куда-то деть...»

Мариан вошел в наше сердце. Мы позвали его в Москву. Конечно, мы повезли его в Новую Деревню к отцу Александру Меню. Они

успели повидаться – кажется, не один раз. А потом – 90-й год, сентябрь. Убийство отца Александра. Мариан звонил нам из Варшавы. Прислал письмо.

Отец Тома Филипп (священник L'Arche. Это он вдохновил Жана Ванье создать «Ковчег») не успел повидаться с отцом Александром Менем. Когда он приехал, был 9-й день. И мы все стояли вокруг могилы с горой цветов. Неожиданно отец Тома шепотом попросил мою Катю поднять ему маленькую розу с могилы – и благоговейно спрятал на груди под плащом.

А летом того же года – ведь ничего еще не произошло, мы и не догадывались, что нашему счастью общения с отцом Александром Менем что-то угрожает – мы снова отправлялись в путешествие, на этот раз уже в Тэзе, – но с непременным заездом к Мариану в лагерь. Помню, как не хотелось уезжать – потому что мы были вблизи отца Александра, жили у друзей на даче в Деревне, и это было такое счастливое состояние... А наша трапезная Новая Деревня виделась – раем, Царством Небесным, и мы все оттягивали отъезд. Если бы знать...

Заехали мы в Жуков (так назывался хутор, где размещался лагерь Мариана) – и заблудились. Была теплая ночь, мы шли пешком (Катя ехала на плечах), – белая в лунном свете дорога и совершенная неясность, куда идти дальше. Шлагбаум, железнодорожный переезд... И вдруг Катя видит что-то впереди и говорит: «Я знаю. Отсюда я знаю как идти». И мы подходим ближе и узнаем нашу капличку – статую Марии у обочины дороги. И мы вышли на хутор.

А ЭТО И БЫЛ МАРИАН

Там, конечно, все спало. Открываем дверь – и видим (почему-то при свете, не помню) кого-то спящего. Извиняемся поспешно и дверь закрываем. Идем на знакомый сеновал, на конюшню; счастливые, взбираемся наверх, на травяную гору. Кто-то сонный и невидимый с нами здоровается, спит дальше. Внизу ходят кони. Прекрасно!

А это и был Мариан – тот человек, которого мы потревожили,

включив свет. Только он снял очки. И борода была под одеялом, и мы его не узнали – а он нас без очков не разглядел. Как же мы хотели над собой и друг над другом наутро! Какая была встреча! Мариан сразу сказал нам, что это предательство – заехать к нему всего на 3 дня из-за какой-то Франции (мы ведь ехали дальше, в Тэзе).

Мы уехали дальше, – а вскоре Вера Зоркая (которую я тогда не знала) с Лизой и Ньюшей прибыли в лагерь. Мы как бы чуть разминулись, – но в какой-то иной точке, через год с лишним, все же встретились.

И вот что я узнала от Веры. Ведь она не была знакома с отцом Александром, – но она шила ему

Теперь всегда я в кармане ношу деревянные четки Мариана.

Мариан. Дымчатые лошади бродят в загоне, и столь же дымчаты высокие соломенные крыши над темнобелыми каменными стенами риг (в одной из них мечтался мне костел, – быть может, в будущем году?) Коляска блестит огромными колесами в траве. Миша по притоптанной серой дороге водит Анну.

Мариан, на длинном столе-обозе, вырезает ножичком из ластика печатку: всадник в короне, вонзающий копье в пасть дракону. Надпись: «Stajnia Swiety Jerzy (Конюшня святого Георгия), – terapia – rekreacja». Это новая, а рядом – уже виденная нами: конь и муминк. Стол на колесах. Это,

пасхальное облачение (кто-то через кого-то, зная, что она художник по костюмам, посоветовал ему сделать ей такой заказ). И она очень спешила, чтоб успеть. И он в этом облачении служил свою последнюю Пасху.

Все это удивительно и кажется мне очень важным.

Итак – вот мои и Мишины «лохматые» записи 1989 года. Мы только что вернулись тогда из первого лагеря Мариана...

в сущности, вывернутая наизнанку телега: обоз, боковыми стенками вниз. И лагерь по-польски: обоз, и на ордене Катином и моем читаем: обоз – «Oboz muminkow». Орден – бумажный кружок с отпечатком муминка на коне, в обрамлении разноцветных лент – получил из рук Мариана каждый из нас в день конкурса «лошадной езды», в том числе и кони, Ницпонь и Наездник.

За столом перед обедом мы всегда просили петь мужествен-

ную гуральскую молитву – «Pobłagoslav, Panie, z wysokiego nieba...»

Стол: во всю ширину огромного сарая-риги, по бокам высится сено; здесь же ящик с музыкальными инструментами и библиотека. Книжки великолепные; меня особенно восхитила – «Молитвы животных»: на каждом развороте кар-

щем воздухе я вижу дымчатых коней и всадников, я совсем перестаю понимать, на каком я нахожусь свете. Как будто все это происходит за смертной гранью.

Вечером на тракторе приезжает Эльжбета, привозя смолотый кофе (в лагере мельницы нет), Мариан зажигает керосиновые лампы. Мы пьем кофе и беседуем (только

«Dziękujemy...» И Мариан всегда прибавляет одну молитву, которую я стараюсь запомнить. Ночь тиха и серьезна. Когда все сказано, мы все беремся за руки и поем заключительную молитву, и Мария в обрамлении свечного света смотрит на нас. Душа моя переворачивается, и я очень стараюсь не заплакать. Потом тихими группами, по двое, по трое, взявшись за руки, под руки, идем вдоль поля дорогой в лагерь. Анну и Алину везут в инвалидных колясках. Алина словачка, она здесь с группой движения «Вера и Свет» из Чехословакии, как и Марушка, и глухонемая Мария. Я оборачиваюсь. Чья-то одинокая фигура на коленях – в ночной удаленности дороги, в мерцании крошечных отсюда огоньков каплички, в жарком облаке света.

тинка зверя или птицы, а рядом – его обращение к Творцу, благодарение. По-польски нетрудно понимать текст.

ВХОД В СТРАНУ РАДОСТИ

Огромные двери раскрыты во вне, в пространство, которое отсюда кажется как бы принадлежащим другому миру. Словно мы отсюда созерцаем Царство Небесное (Катя тоже заметила это и сказала, что за дверьми сарая как бы начало Нарнии, вход в страну радости). Пейзаж в огромном дверном проеме неподвижно-изменчив. Вот в его неподвижность (травы, неподвижное небо, огромный ствол дерева с огромной кроной) всплывает медленная инвалидная коляска с огромными сверкающими колесами, все это как во сне, и бесшумно пересекает пространство кадра. Молчание и неподвижность, вся сотканная из незримого движения живой травы и листвы и тихого воздуха, золотого, как греческое небо. Потом вдруг собака, большой рыжий Фунт, пронесется с палкой в зубах, и всплывают голоса, и исчезают. А когда в вечерю-

взрослые! Приятно иногда себя чувствовать взрослой). У Эльжбеты прекрасное немолодое лицо и косы, и всегда черный наряд, кажущийся экстравагантным, как и ее трактор. Она живет неподалеку на хуторе.

Вечер. Костер. Мариан поет песню, от ее музыки сладко, как в детстве, мурашки бегут по спине, и, как в детстве, – прекрасно-страшно. «Plonie ognisko», песня харцеров, еще довоенных. Бася все требует от меня ненавистную «Пусть всегда будет солнце», а потом – «Пока земля еще вертится», и еще – много Окуджавы. «Откуда ты знаешь? – У сестры пластинка» – и про «дым твоих сигарет» в тайге.

А потом мы все идем к капличке. Там Мариан зажигает свечи: две наверху, по сторонам каменной Марии, еще две ниже и еще две – как светящиеся ступени. Молитва: Отче наш, все вместе. Потом Мариан возглашает: «Dziękujemy Ti Panie» (благодарим Господа). Молитва муминков – внятно-невнятно, по-словацки и по-польски, и тихим хором, рефреном –

* * *

– Князь на коне! (Марушка, схватив мой локоть).

В черной бархатной шапке – шлеме для верховой езды (который надевается на каждого ездока по очереди), прямой и светлый – князь. Князь: ксендз. Ксендз Тадеуш. Он капеллан движения «Wiara I Swiatlo». Оно приезжает сюда служить мессу. В день нашего приезда шел дождь, и служба была в доме, где мы потом ночевали («будете жить в церкви»). На коне каждый красив по-своему, каждый особенно красив, и мы всегда – все – смотрим с наслаждением. Как хорош князь на коне.

Владимир Грудский

Лодка Иисуса

*Семь дней на Святой земле**(Продолжение. Начало см. в №144, 146, 148, 150, 151, 152)*

Назавтра предстояла очень волнующая поездка: Галилея Христианская, Назарет. В виду раннего выезда с вечера нам выдали сухой паек – рассчитывать на обычный завтрак, естественно, не приходилось. Неплохая еда в двух объемистых картонных коробках с ручками: два больших сэндвича из белого хлеба – «кирпичика», с ветчиной, сыром и зеленью. Плюс яблоки, мандарины и завернутые в прозрачную пленку помидоры черри (кстати, довелось узнать, что в 1973 году именно в Израиле был впервые выведен этот сорт).

Иерусалиме на одном из кладбищ покоится знаменитый Шиндлер.

Рассказывала о журавлях, которые из России на зиму прилетают сюда, в Израиль. Мол, интересно наблюдать, как «главный журавль» (так смешно Шея назвала вожака – редкая пометка в ее русской речи) воспитывает подрастающее поколение: «ты не там стоял, ты не так летел». И о том, что в Средиземном море открыты шесть газовых скважин, теперь «Израиль стал газовой державой».

В давние времена, как мы узнали, основная часть этой территории представляла собою выжжен-

скому труду. Вся зелень посажена людьми, все озеленение осуществлено человеческими руками.

В Израиле, – продолжала она, – семь климатических зон, все выращиваем, что хотите, в том числе на солончаках. С октября и на протяжении многих месяцев кормим всю Европу».

Однако... «Каждый седьмой год не снимаем урожай. В Торе сказано: «Шесть лет засевай поле твое..., а в седьмой год суббота покоя да будет для земли...поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезывай». Каждый седьмой год не должно производиться никаких работ, связанных с обработкой земли, а весь урожай, который вырастает, становится общим.

Другая особенность еще труднее укладывается в сознании: в Израиле нет конституции, то есть формально принятого основного закона государства!..

Проезжаем мимо огромной мусульманской деревни на склоне горы (деревнями тут называют поселения даже городского типа, их отличает высокий жизненный уровень). И узнаем: как только в мусульманской семье рождается мальчик, начинают строить дом. Потом на долгие годы строительство консервируется, но должно быть завершено к достижению мальчиком совершеннолетия. И он туда переселяется, чтобы завести свою семью.

...В лобби – полное безлюдье. Вышли на улицу. Еще темно. Встретившая нас гид, назвавшаяся именем Шея (сокращенное Рашель) пояснила: так рано выезжаем, потому что до Назарета далеко ехать – 173 км

С первых же минут пути обнаружилось, сколь замечательный она рассказчик. По обаянию, лексике, эрудированности, а главное – серьезности и глубине познаний и своеобразии личных оценок. Рассказывала, например, о местных кладбищах: всех хоронят бесплатно, за счет государства. Плату взимают только за место рядом со знаменитостью. Кстати, в

ную пустыню. А теперь, сказала Шея, это «памятник челове-

Арабы, живущие в этом поселении, – граждане Израиля, они занимаются производством стройматериалов, сантехники и пр.

Затем минуем город Мегиддо. Построен еще Соломоном. Заговорив в этой связи о библейской истории, Шеля высказала

основном израильские арабы, из них порядка трети являются христианами. Можно сказать, что это одно из самых христианских мест в стране. Здесь даже воскресенье является выходным днем (но не суббота, как по всей стране)! Верхний Назарет, или Нацерет-

наши грехи. Почему тогда мы по-прежнему смертны? Потому что по-настоящему так и не обратились к Нему – ни католики, ни православные. Ждем...»

В этой Церкви, по преданию, произошла встреча Марии с Архангелом Гавриилом, который пришел к ней с белой лилией. Шеля показала, где «остались» следы ног Архангела – «внизу слева». И коснулась темы символа христианства – лилии. Дескать, много раньше символом стала гвоздика, и в мозаике храма это отражено. Гвоздики выросли из **слез Богородицы**, пролитых ею, когда Иисус шел на казнь. Эти цветы стали знаком материнской любви и во многих странах являются символом дня матери. В более широком значении гвоздика для христианства – **символ обязательства, любви, обручения**.

А с той поры, как архангел Гавриил в день Благовещения при-

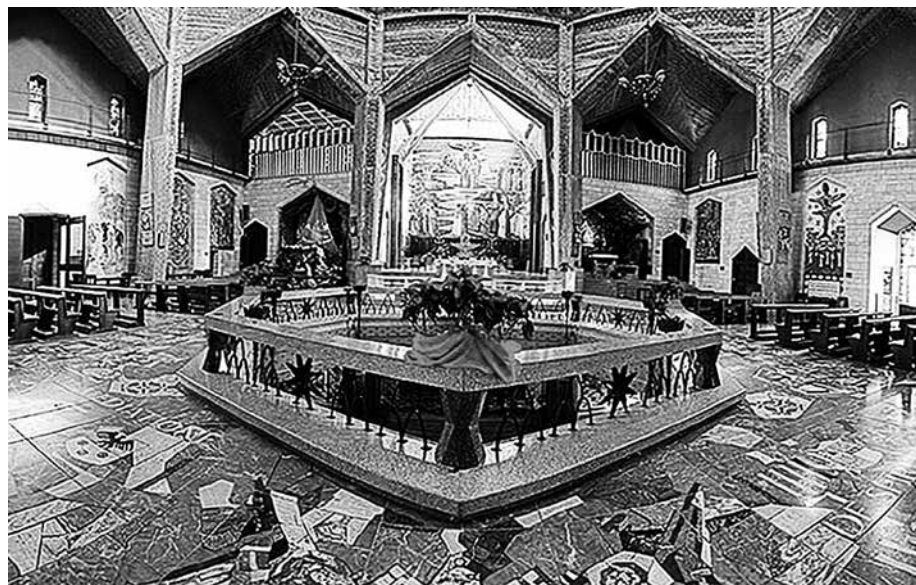

Иллит был основан в 1956 году, его населяют евреи, большинство из них русскоговорящие выходцы из СНГ.

Трудно остаться равнодушным при виде величественной Церкви Благовещения (католической). Во дворе на длинной стене – иконы Богородицы разных стран и народов. Когда, осмотрев эту галерею икон Богородицы, мы направля-

мнение, что в Евангелиях допущена ошибка: в действительности царь Ирод умер задолго до рождения Христа. А речь в Святом Писании, мол, на самом деле идет о сыне Ирода – Антипе. (Впрочем, как известно, Библия – это вовсе не исторический труд, по которому можно отслеживать точность событий и дат).

И вот мы на севере Израиля, в Назарете. Нижний Назарет (исторический) на 70 процентов мусульманский. Его населяют в

лись к входу в Базилику Благовещения, Шеля говорила, имея в виду Матерь Божию: «Окропила кровь Христа и череп Адама. Иисус Христос искупил

шел к Деве Марии с белой лилией, она стала символом Богоматери, Ее чистоты, невинности и преданности Богу. С этим же цветком в Средневековье изображали свя-

тых, прославленных чистотой своей жизни, – Иосифа, Иоанна, Франциска, Антония, Гертруды и др. У первых христиан лилия олицетворяла мучеников, которые остались чисты и верны Христу, несмотря на жестокие гонения. Вот почему на их гробницах часто встречаются изображения лилий; например, лилиями убрана гробница мученицы св. Цицилии. Существует предание о том, как белая лилия превратилась в красную в ночь перед страданиями Христа, словно она вобрала тот

было, как, следовательно, не было и специалистов по его обработке. Ко временам Иисуса лес в Израиле не появился, древесина была редким материалом, и к тому же очень дорогим.

Однако в «Диалоге с Трифо» Юстин Мученик, живший во II веке н. э., писал об Иисусе: «Живя среди людей, он имел обыкновение работать плотником, делая плуги и ярма». В родном городе Иисуса постоянно требовались сельскохозяйственные изделия, например плуги и ярма, кото-

21:6; *Исаия 10:15; Иеремия 10:4*). Скорее всего, Иисус тоже пользовался такими предметами...

Проезжаем мимо сельскохозяйственного городка Мигдаля, потом – Магдалы с радоновым источником, возле которого Христос исцелил Марию Магдалину, выгнав из нее семь бесов.

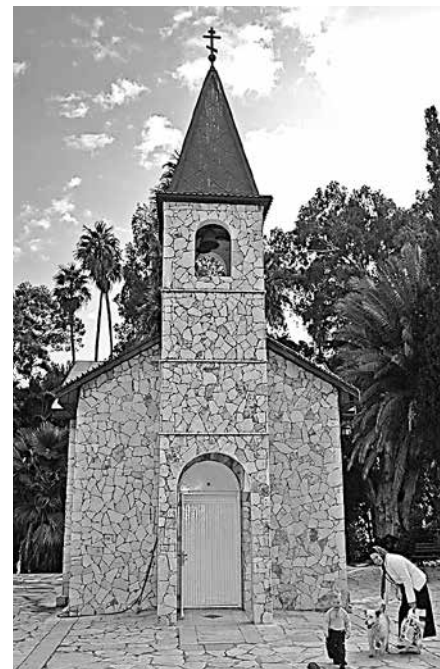
кровавый пот, который капал с чела Спасителя в Гефсиманском саду.

И вот еще какую любопытную вещь поведала нам Шеля. «Профессия Иосифа названа «плотник» ошибочно. Ошибка перевода. В древнегреческом языке не было слова «плотник». Но – «каменщик». В данном случае мастер по мозаике – здесь были мозаичные мастерские. То есть Иосиф был не плотником, а каменщиком. А Иисуса и каменщиком нельзя называть. Потому что он просто помогал Иосифу...»

Косвенно предполагаемую неточность этого места в данном тексте подтверждают, хотя и с другой стороны, некоторые исследователи. По их утверждению, во времена Иисуса профессии плотник в Иудее не существовало. Если мы обратимся ко временам царя Соломона, то вспомним, что для строительства иерусалимского храма он импортировал кедровые бревна из Ливана и одалживал плотников у царя Хирама. Леса на территории Израиля просто не

были в основном делали из дерева. Помимо этого плотники изготавливали предметы мебели: столы, стулья, скамейки и сундуки, а также двери, оконные рамы, деревянные затворы и стропила. Плотники участвовали также в строительстве домов.

Иоанн Креститель в одном из примеров упоминает топор – инструмент, которым, скорее всего, Иисус и другие плотники пользовались для рубки деревьев. Бревна обтесывали на месте, делая из них брусья и балки, или увозили в мастерские. Только физически сильный человек мог заниматься такой работой. Пророк Исаия называет и другие инструменты, которыми пользовались плотники: «Резчик по дереву протягивает мерный шнур, очерчивает контуры красным мелом, работает резцом, делает разметку циркулем» (*Исаия. 44:13*). Археологические находки подтверждают, что в библейские времена плотники пользовались металлическими пилами, молотками с каменной головкой и гвоздями из бронзы (*Исход*

И вот показалось справа от нас Генисаретское озеро. По-другому – Тивериадское, Кинеретское, или Галилейское море. Бог ты мой!.. То самое озеро!..

Пока мы ехали в автобусе, Шеля пустила по рукам засунутую в прозрачный файл фотографию наполовину истлевшей, но все же наполовину сохранившейся «лодки Иисуса». Или «по крайней мере, это лодка апостолов, – уточнила Шеля. – Поскольку обычная лодка не сохранилась бы до нашего времени».

(Продолжение следует)

Ольга Лашкова

Пермь великая

Пермь – город с миллионным населением стоит на высоком берегу широкой и величественной Камы, а на противоположном низком лесном берегу расположены промышленные зоны и дачные поселки. История этих мест очень интересна, в ней много впечатляющих событий и фактов.

БОРИС ПАСТЕРНАК И ЮРЯТИН

Обратимся к событиям начала XX в. и вспомним тот факт, что именно Пермь стала прообразом города Юрятина в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Автор, будучи молодым человеком, прожил в Пермском крае, в местечке Всеволодово-Вильва с января по июнь 1916 года. Он приехал сюда по приглашению Бориса Збарского, управляющего уральских заводов, известного ученого-химика. Будущий знаменитый поэт работал здесь помощником Збарского по деловой переписке и торгово-финансовой отчетности и именно в это время делал выбор между профессиями музыканта и литератора. Несколько раз Борис Леонидович приезжал в Пермь и хорошо изучил город.

Именно сюда приводит он героя своего романа, который уезжает со своими родными из Москвы во время голода и холода послереволюционных лет. После длительного пути в теплушке семья доктора Живаго оказывается в окрестностях Юрятина–Перми – эти хорошо известные ему места избрал писатель, чтобы показать ужасающие последствия революции. Люди, приехавшие в лесную глушь, чтобы здесь спокойно пере-

жить обрушившиеся на страну беды, оказываются в эпицентре грозных событий, жестоко ломающих их судьбы. Пастернак передает в романе дух послереволюционных лет, очевидцем которых был. Он открывает страшную правду о преступлениях, совершенных во время братоубийственной гражданской войны. В советское время эти события, как мы помним, было принято изображать в романтизированном виде: при этом одна из сторон, а именно большевики, всегда представлялись геро-

ями. Как известно, писатель подвергся убийственной травле за свой роман со стороны властей и коллег-писателей. И еще ему вменили в вину то, что роман пронизан евангельскими темами, которые писатель ввел в повествование, чтобы напомнить о вечной правде...

ДВА МИХАИЛА ИЗ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

И на самом деле, вблизи от мест, описанных Пастернаком, были совершены чудовищные преступления: в Екатеринбурге и Алапаевске были уничтожены в 1918 г. без суда и следствия Царская семья, вел. кн. Елизавета Федоровна и другие члены Императорского дома. А в Перми за месяц до этих трагических событий, в ночь с 12 на 13 июня 1918 г., были похищены и расстреляны великий князь Михаил Александрович Романов, которого Николай II при своем отречении назначил наследником престола, и его секретарь Джонсон. М. А. Романов был опасен для большевистского режима как реальный претендент на российский трон – он согласился стать царем при условии, что его кандидатуру одобрит Учредительное собрание. Но собрания дожидаться не стали, посланного в Пермь великого князя и его секретаря представители революционных властей арестовали в «Королевских номерах», где они проживали, и без долгих проволочек вывезли в лес и расстреляли. Один из участников этого преступления, некто Мясников, даже описал этот «подвиг» в своей книге воспоминаний. Точное место, где состоялся расстрел, осталось неизвестным, так же как и место захоронения убитых.

В 2000-х гг. на горе около Перми установили большой Поклонный крест в память великого князя Михаила Александровича. Теперь каждый год в день его убийства в городе проходит крестный ход, который следует сюда от кафедрального Троицкого собора.

В Перми гибель великого князя Михаила Романова связывают с трагической историей боярина Михаила Никитича Романова, который также пострадал в Пермском крае. Это один из «первых Романовых» – так называют сыновей боярина Никиты Романова, брата жены Ивана Грозного Анастасии. В Перми так рассказывают историю братьев: на рубеже XVI и XVII вв., когда выявились

неудачи правления Бориса Годунова, царь обратился к гадалке, чтобы узнать, в чем кроется их причина. Гадалка указала ему на братьев Романовых, которые, по ее словам, хотят отравить царя, чтобы занять престол. Всего было пять братьев – молодые, умные, крепкие люди, которые верно служили царю. Состоялся суд, который признал их виновными в колдовстве. Царь Борис распорядился сослать братьев в самые отдаленные уголки России и держать там под крепкими запорами.

Но это не помогло. Один из братьев Федор, который был отправлен в ссылку и которого вместе с женой насильно постригли в монашество, стал впоследствии патриархом Филаретом, а его сын Михаил – первым царем из династии Романовых.

Но вернемся к рассказу о судьбе Михаила Романова. Он был отправлен под строгим надзором людей Годунова в место под названием Ныроб. Сейчас оно находится в лесном крае в 380 км от Перми. Но тогда Перми еще не было. Город возник на месте соляных промыслов купцов Строгановых значительно позже, в 1723 году.

Ныроб был деревней с дурной славой и находился в 30 км от древнего села Чердыни, которое долгое время было центральным поселением этих мест. Чердынь была местом проживания зажиточных купеческих семей, здесь заключались сделки, сюда привозили на продажу самые разнообразные товары. Село славилось своим богатством и многочисленными красиво украшенными храмами. В Ныробе же, напротив, жили бедные люди, которых чердынцы считали нечистопоплыми

и глупыми и издевались над ними, когда они приезжали на их базар.

По приезде в Ныроб тюремщики Михаила стали копать глубокую яму, которую накрыли тяжелыми бревнами. Закованного в тяжеленные железные оковы (их вес составлял около трех пудов) страдальца опустили в яму и привязали к столбу. Раз в день ему через небольшое отверстие подавали немного хлеба и воды.

Однако узник не сдавался, он непрестанно молился, часто из ямы доносилось его молитвенное пение. Вскоре караулу надоела жизнь в суровом крае, в отдаленной бедной деревне, они задумали уморить узника голодом и прекратили его кормить. Но местные жители оказались сострадательными людьми и тайно приносили Михаилу еду. Это были трубочки, наполненные молоком и залепленные хлебным мякишем. Тюремщики узнали об этом и жестоко расправились с ныробцами, при этом многие жители деревни были убиты.

Михаил Никитич скончался в 1602 г., выдержав в заточении год, и был похоронен в Ныробе в Никольском храме. Через несколько лет его тело перевезли в Москву, где он упокоился в Новоспасском монастыре.

Оставшиеся в живых ныробцы хранили память о Михаиле, почитали место его страданий. Вскоре по всей Пермской земле разнеслась весть о ныробском мученике, и множество паломников устремилось к месту его заточения. Цепи, в которые был закован Михаил Романов, стали почитать как святыню.

Через много лет, к 300-летию Дома Романовых над ямой, где томился один из первых представителей рода, поставили каменную часовню, окружили ее красивой оградой, а у входа укрепили памятные доски, на которых была изложена история Михаила Никитича, перечислялись авторы мемориала и участники его открытия.

НЫРОБ И ЧЕРДЫНЬ

В советское время вокруг Ныроба, Чердыни и Перми появились многочисленные лагеря, заключенные трудились на лесоповале. Можно представить, в какое

состояние в эти годы воинствующего атеизма пришли многочисленные храмы, построенные в этих местах, а также мемориал над местом заключения Михаила Романова.

Но сегодня в Ныробе уже восстановлен и действует большой,

украшенный белокаменными узорами храм святителя Николая, и мемориал Михаила Никитича также возрожден в полной мере. У храма стоит большой Поклонный крест в память всех мучеников, пострадавших в этих местах.

В небольшой часовне над ямой, в которую был заключен ныробский мученик, можно не только помянуть узника, но по огромным камням спуститься вниз, на место его страданий. Здесь холодно, темно и страшно. Невозможно представить, что в этой сырости и мраке можно находиться долго. Подсвечивая мобильниками, туристы с трудом выбирают наверх.

Небольшой Ныроб и крупная Чердынь похожи. Вдоль улиц стоят большие и поменьше бревенча-

тые избы, почерневшие от старости. Новых домов не видно. У некоторых окна обрамлены искусной резьбой наличников. Стоит взглянуть в них, и увидишь солнце и луну, вязь диковинных цветов и трав. Это обереги от темных сил. Рисунки наличников напоминают о древности, о временах, когда в этих местах шла борьба между христианством и язычеством.

Известный просветитель коми и вотяков Стефан Пермский проповедовал Евангелие в северной части Пермского края, его миссия была успешной. А здесь, южнее, просвещали местное население другие подвижники веры. К лику святых причислены еще три миссионера – Герасим, Питирим и Иона, которые впервые пришли с проповедью христианства в эти места в XVI в., и лишь один из них, святитель Иона, остался жив, остальные были убиты местным населением – вогулами.

В течение нескольких веков в этих местах царило двоеверие: жители, приняв крещение, не оставляли старых языческих обычаев. Христианство утвердилось здесь лишь в конце XVI века.

А сегодня на старинных избах в этих местах можно видеть такие приметы современности, как тарелки спутниковых антенн. Чердынь и Нырб становяются туристскими центрами...

В советское время здесь находились в ссылке многие известные люди, например, в Чердыни две недели в июне 1934 г. пребывал О. Мандельштам. Его приговорили к 3 годам ссылки за известное стихотворение с убийственной критикой Сталина. Однако по хо-

датайству Ахматовой, Пастернака и Бухарина место ссылки поэта было изменено. Мандельштам с женой отбывал ее в Воронеже.

Сейчас в этих местах идет восстановление старинных храмов, которые использовались в советское время для самых различных нужд. При этом купола и главы сносили, кровли – обрубали, иконы сжигали. Бесформенное строение делили на этажи, не щадя старинных росписей. И подобные здания странного вида здесь еще остались.

Чердынь стоит на высоком берегу реки Колвы, противоположный низкий лесистый берег залит водой. Над дальней кромкой леса возвышается скалистая гора необычной формы – Полюд. В давние времена на ней находилось капище язычников. И сегодня экскурсоводы рассказывают о Полюде интересные легенды.

Город в наше время – это промышленный, исторический, культурный, духовный центр. Как поется в старой бардовской песне, здесь делают ракеты и в области балета он тоже весьма известен. Есть здесь в Театральном сквере и талантливо выполненный памятник Борису Пастернаку. Поэт изображен совсем молодым, таким, каким он был во время пребывания в Пермском крае. Памятник находится недалеко от библиотеки, где по замыслу писателя произошла встреча потерявших друг друга во время Первой мировой войны Юрия Живаго и Лары.

И еще очень много удивительного можно увидеть здесь и в окрестностях, называемых *Пермью великой*: кроме уже упоминавшихся Чердыни и Нырба, это Кунгурская пещера и Соликамск с ботаническим садом и музеем

Сейчас в Чердыни есть действующие храмы со старинными иконостасами, хранящие дух этого места. Есть замечательный краеведческий музей. С высокого холма можно любоваться колокольнями и главками церквей, которые создают неповторимый силуэт городка над красивым изгибом Колвы.

ПЕРМЬ УДИВИТЕЛЬНАЯ

Пермь сегодня – это город со своим лицом. В нем много исторических зданий, парков, скверов, памятников. Есть кварталы, построенные в самые разные исторические эпохи, которые соседствуют с современной застройкой.

Соли, это возрожденный монастырь на Белой горе, в огромном храме которого были при сталинском режиме расстреляны монахи обители. В крае благоговейно хранят память многочисленных новомучеников и исповедников...

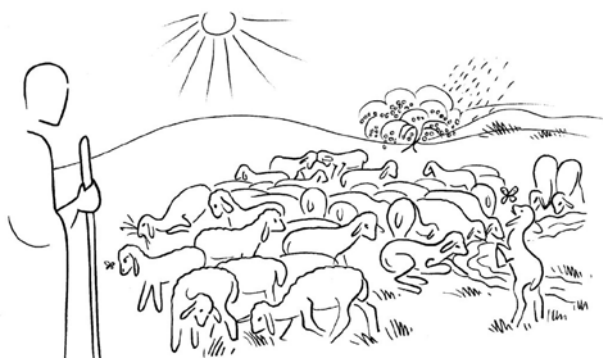
Об удивительном сочетании природных, исторических и духовных богатств Перми великой свидетельствует и старинный герб города: на ярко-красном фоне косолапой поступью шествует огромный медведь, несущий на спине Евангелие, Радостную весть о воскресшем Христе и вечной жизни...

Лидия Маянц**Избранные стихи**

* * *

Ах, откуда это счастье, эта радость без конца.
 Никому ее не отнять.
 Невзирая на ненастье раскрываются сердца
 И Тебе готовы внимать.
 Истрадавшиеся души в тайниках своих хранят
 Ту надежду, что Ты в них вложил,
 Их мороз и ветер сушат. Раны ноют и горят.
 Кто б живой их водой оросил?
 О, Господь! Пошли нам силы и отправь во все концы,
 Чтоб услышали Слово Твое.
 Время жатвы наступило. Мы Твои, Господь, жнецы.
 Да исполним служенье свое.

* * *

О, как много у Тебя любви, Господь,
 Что на каждого из нас хватает.
 Тот, кто в первый час пришел,
 Тот получил.
 Кто в последний час пришел,
 Не обделен.
 Всем Ты поровну раздал ее, Господь,
 А любовь Твоя не иссякает.
 Лишь бы только мы сердца
 Смогли раскрыть,
 Чтоб принять любви Твоей
 Бесценный дар.

* * *

Позабудь о заботах извечных.
 Имя Господа ты призови.
 Распахни свое сердце навстречу
 Бесконечной Небесной любви.
 И войдет тишина в твою душу,
 И наполнится Светом она.
 В тишину эту вслушайся лучше –
 Ощутишь ты, что ты не одна.
 В сердце радость вдруг вспыхнет лучистая.
 Ты не знала такой никогда.
 Вспомнишь ты, что любви этой чистой
 Безотчетно искала всегда.
 Преисполнится сердце любовью.
 Тихих слез заструится ручей.
 И польется поток славословий
 Из души исцеленной твоей.

Полина Кузьмина

* * *

Разверзлась жизнь, как некая пучина,
 Утонем или нет – всем нам откуда знать,
 На то какая-то глубинная причина,
 Совсем не то, что можно очевидно доказать.
 Что знает Бог, когда совсем не видно,
 Куда теперь нам плыть – на север ли, на юг?
 Доказываем то, что всем не очевидно,
 Когда дойдет до глубины сердец Господень стук.

* * *

Читаю Иоанна Златоуста,
 Ум входит в мир библейских толкований.
 Туда, где раньше в сердце было пусто,
 Явился дух божественных влияний.

* * *

Мы все вольноотпущенники Бога,
 Теперь в правах небесного гражданства,
 Он милосерден и не судит строго,
 Любви он сохраняет постоянство.

* * *

Что не скажешь о Боге – все мимо,
 Точность удел лишь святых,
 Дух Господень проходит незримо,
 Мы молчим, бурный разум утих.

* * *

К концу идет время тирана,
 А Дух и Христос навсегда,
 От лжепрозорлицев обмана
 Духовная будет беда.

Георгий Великанов

Молитва и жизнь молящегося

О Первосвященнической молитве Господа

Еще одна статья из наследия Гоши Великанова. Она посвящена теме богослужения и тем литургическим вопросам, которые в Русской Церкви сегодня считаются если не проблемными, то сложными: на каком языке должна совершаться служба, нужно ли ее сокращать, кто является совершителем богослужения? Автор попытался дать свои собственные, иногда очень личные ответы.

Богослужение во все времена выражает веру, сознание и жизнь Церкви в их наличном состоянии. В этом смысле *lex orandi* есть не только *lex credendi*, но и, что, может быть, еще более важно, *lex vivendi*. Кто как молится, тот так и живет, и наоборот – молитва влияет на жизнь и меняет ее.

Вот картинка из жизни. Недавно автору этих строк довелось побывать на Литургии в древнейшем византийском храме Северного Причерноморья – церкви Иоанна Предтечи в Керчи (VIII-IX вв.). Хор поет «оперу», причем фальшиво. Бесконечные ектеньи и возгласы. Возникает ощущение какой-то занудности: главные моменты службы (освящение Даров, молитвы Евхаристического канона) не видны и не слышны, а второстепенные затянуты (для того чтобы дать возможность священнику прочесть тайные молитвы, хор поет медленно). Нет теплого ощущения единства с молящимися, включенности в общий процесс. Участники службы разобщены: священник молится отдельно, в алтаре, он закрыт от народа иконостасом; хор в это время упражняется в вокальном мастерстве; а прихожане молятся в большей мере своей личной молитвой. Если вошел в храм с молитвой, с благоговением, то выходишь после такой службы с усталостью и разочарованием. И так по всей России...

Конечно, есть люди, живущие глубокой молитвенной жизнью, стяжавшие страх Божий и благоговение к святыне в любом ее виде; они как бы «нырнули» в глубину своего сердца и там предстоят

Богу, и не мешает им внешняя оболочка службы. Но таких среди нас меньшинство. Большинство – люди церковные или тянущиеся к Церкви, честные, старательные или не очень, прихожане или «захожане», которые, в соответствии с индивидуальным лимитом терпения, молятся «ногами» и все равно получают от Бога что-то: чувство легкости и прощения, теплоты – одним словом, благодать. Но если, к примеру, хор поет не собранно, не молитвенно, а «профессионально», если то и дело ходят старушки с подносами для по-

жертвований, если соседи толкают и в храме давка, если, наконец, ты сам еще плохо разбираешься в обрядах и церковно-славянском языке, то молиться приходится вопреки, а не благодаря происходящему.

И вот, вместо того чтобы вдохновиться и зажечься верой и молитвой всей Церкви, собранной в данном конкретном храме, человеку приходится прилагать немалые усилия, чтобы удержать ту малую молитву, которую он имеет. А потом мы удивляемся, что в Церкви не хватает общинности. Где же родиться общине, когда на самом деле **мы не молимся вместе**, и человек уходит из храма таким же молитвенником-одиночкой, каким туда и пришел? Если **мы не причащаемся вместе**, но каждый живет согласно своему собственному ритму причащения, ставя его в зависимость от того, прочитал ли он все каноны, исповедался ли, постился ли в течение того срока, который считает правильным?

Из-за всего этого возникает ощущение *обезличенности* нашего богослужения, в котором ты не участник, а зритель. В самом деле, есть ты в храме, нет тебя – от этого никому ни тепло ни холодно, и главное, от этого ничего не изменится. Служба будет все так же идти. Вот если священник вдруг не придет в храм – это да, катастрофа: службы не будет. Вот и говорят у нас: «Служит отец такой-то», даже не подозревая, что с богословской точки зрения это нонсенс: не может отслужить Литургию (в переводе с греческого – «общее дело») один человек. Не может один человек совершить Евхаристию, ибо она – кульминация и выявление того единства, которое и является

сутью Церкви как Тела Христова. Единства, которое больше встречается в богословских книгах и в посланиях апостола Павла, чем в реальной жизни. Так *lex orandi* все больше отдаляется от *lex vivendi*.

Хочу сразу оговориться, что я здесь не говорю о мистической, духовной стороне происходящего. Бог Своей благодатью, несомненно, присутствует на каждой службе, и духовно каждая Евхаристия все равно объединяет всю Церковь во всех концах земли. Но что мы со своей стороны можем сделать, чтобы выявить это единство, сделать его действенным для себя и других, напитаться им?

Разумеется, такое единство не строится сверху, оно не может быть плодом только организационных (тем более авторитарных) усилий, разнообразной внешней деятельности по созданию групп, общин, «общений» и служений, миссионерских проектов и паломнических поездок. Это все хорошо и правильно, когда вырастает изнутри, органично и прежде всего – из совместной молитвы, по слову Господа: «Где двое или трое собраны во Имя Мое – там Я посреди них». Интересно, что Христос не сказал: «Где собраны две или три сотни прихожан во Имя Мое», Ему нужно не количество, а – «двое или трое». Это предполагает личные и близкие отношения между собравшимися. Как сделать наше богослужение выражением живых и личных отношений с Богом и с братьями и сестрами? Как сделать так, чтобы, участвуя в нем, действительно ощущать: я – часть Тела Христова, мы собраны вокруг Христа и «пребываем в Его любви»?

Первая Евхаристия была отслужена в тесном кругу людей, каждый из которых был для другого братом не в богословском, а в самом реальном, конкретном значении этого слова. Это были ближайшие ученики Христа. Они хорошо знали и недостатки, и слаботы друг друга, но также и силу благодати, которая «в немощи». И устроив перед Своими страданиями и смертью прощальный ужин, Господь им завещал в преломлении Хлеба, в Чаше вина – Самого Себя. Он сказал: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между

собою». А любовь – это всегда личные отношения. Впоследствии, когда христиане служили на гробах мучеников в катакомбах и каждый участник Евхаристии мог стать следующим мучеником (и тем самым – «антиминсом» для совершения таинства), быть может, не у каждого с каждым были личные отношения, но каждый знал: перед ним – брат во Христе, самый близкий на земле. Потому что другие могут предать, донести; а он – жив и умрет как одно Тело с тобой.

С легализацией христианства началось размывание этого Тела. Градус веры и молитвы резко снизился, и к тому же из маленьких поместных общин Церковь превратилась в толпу людей, принимавших крещение по самым раз-

они не даны, но можем учиться у тех, кому они были даны, чтобы в наших, быть может, совсем других обстоятельствах воспринять ту вещь, которую они хотят нам передать. Тайные богослужения новомучеников и исповедников российских были лишены пышности прошлого, синодального периода, они были гораздо более личными и интимными. Хотя бы потому, что совершались в какой-нибудь тесной комнатке с занавешенными окнами, со строгой конспирацией, когда каждый готов был отвечать головой за благополучие всех, зная, что если его арестуют, он и под пытками должен изо всех сил держаться, чтобы никого не оговорить. Какого степени напряжения и горения достигала их молитва – нам сейчас и не представить.

Джотто Ди Бондоне «Тайная вечеря» (1304-1305гг.)

ным мотивам. Это было началом большой проблемы, стоящей перед христианством всякий раз, когда оно не гонимо. И наоборот, там, где оно снова гонимо, Церковь опять сворачивается до уровня маленьких, но крепких общин, в которые возвращается огонь Пятидесятницы.

Мы не можем искусственно воспроизводить эти условия, когда

Следствием этого было то, что богослужение поневоле переживалось как нечто очень творческое. Чашей могла быть миниатюрная рюмка, вместо вина – ягодный сок, престолом служил иногда рабочий стол в комнате, а иногда и пенёк в лесу.

А еще он мог Великим постом в будний день выйти на клирос и сказать певчим: «Почему же вы не

спели...(далее следовало название какого-нибудь песнопения, которое по уставу в это время не положено петь), я так хотел послушать». Отец Глеб, благоговейный и строгий в отношении всего, что касается богослужения и храма, делал так не потому, что не уважал устав, а потому что, даже не рассуждая на эту тему, относился к нему творчески. Вот требовала его душа в этот день спеть неположенное – он и следовал зову сердца, которое знало Бога. Архим. Серафим (Батюков), катакомбный священник из «непоминающих», говоривший, что ни много ни мало «вне устава когти дьявола», сам мог вдруг остановиться прямо во время службы и начать со слезами молиться за кого-то из духовных чад, нужду которого он в тот момент, видимо, прозревал.

Нужно ли нам просто забыть этот опыт мучеников и исповедников как эпизод минувшей эпохи гонений – или каким-то образом использовать? Держать ли подражать им или, смиренно признав, что такое не для нас, удовлетворяться простым исполнением уставных (или неуставных) указаний? Вообще, противостоят ли верность Церкви и ее литургическому наследию, с одной стороны, и творческое горение, молитвенная свобода – с другой?

Св. праведный Иоанн Кронштадтский был очень верным Церкви – и очень свободным. Его служение Литургии было непохоже больше ни на чье. Он даже составлял собственные молитвы и читал их во время Литургии – в то время как принятая в нашей Церкви со времени Петра Могилы традиция предписывает читать только по служебнику (даже не наизусть, чтобы, не дай Бог, в чем не ошибиться). То же самое делал приснопамятный архим. Софроний (Сахаров). Рижский прот. Иоанн Журавский так жаждал приобщить всех к чуду Евхаристии, что широко открывал Царские врата и затворял их только после окончания службы. За это он, уже 90-летний старец, был отправлен заштативскореумер. Архимандрит Таврион (Батозский) перед Евхаристическим канонами каждый раз надевал пасхальное облачение, пел вместе со всем народом и призывал к причащению за ка-

ждой Литургией, даже если она служилась ежедневно.

Разумеется, в ранней Церкви молитвенная свобода, в том числе и во время богослужения, была еще большей. Вспомним слова из «Дидахэ» («Учение Двенадцати апостолов»), раннехристианского памятника рубежа I–II вв., в котором приводится первая формула евхаристической молитвы. Там сказано: «Пророкам же предоставляют благодарить, сколько они хотят». То есть если представить себе это, видимо, было так: епископ-пресвитер местной церкви произносил формулу молитвы, примерно идентичную в разных общинах, а затем пророк, служивший в этой церкви или пришедший в нее как странствующий служитель, «благодарил» прямо на Евхаристии, согласно тому, как вдохновлял его Дух в тот момент. И это благодарение было непредсказуемо и заранее не подготовлено. Церковь доверяла пророческому служению, хотя, конечно, и проверяла его, как заповедовал в своих общинах ап. Павел [ср. 1 Кор. 14:29] (и некоторые внешние критерии проверки приводятся в «Дидахэ»).

В недавно переизданной книге Дж. Жанна «Единство и многоо-

бразие в Новом Завете» показано многообразие богослужебных традиций ранней Церкви. Это и связанное с Храмом, еще не оторвавшееся от иудаизма богослужение иерусалимских «нищих»; и харизматические молитвенные собрания в общинах апостола Павла, где «у одного есть псалом, у другого – язык, у третьего – поучение» и т. д.

Впоследствии, как прекрасно и поэтично, одухотворенно писал священномученик о. Анатолий Жураковский в своей дивной книге «Литургический канон теперь и прежде» (опубликована в 1917 г.), вся эта бурная, харизматическая стихия раннего христианства выкристаллизовывалась в литургические формулы и формы. Многие из этих форм прекрасны (анафора Василия Великого и многие еще более древние чины) и богодухновенны. Но они становились все более жесткими. В официальной Церкви, в ее жизни и богослужении, все более уменьшалась вот эта пророческая струя, она уходила в пустыни, обители и кельи отшельников. И это понятно. Ведь пророчество – всегда процесс творческий, а творчество неподконтрольно и непредсказуемо, и это всегда риск. Пророчество связано с опасностью и ложного творчества под влиянием не Святого Духа, а иных духов – тогда это прелесть или по крайней мере, как пишет С. С. Хоружий («О психоанализе за 1500 лет до Фрейда», журнал «Фома»), опыт непроверенный и неочищенный, не опознанный Церковью как безусловно христианский и православный, протекающий в русле Предания. Однако полностью исчезнуть в Церкви пророческое служение не может, это означало бы, что в ней прекратилось действие Духа Святого (который в творениях Иустина Мученика так и называется – «Дух пророческий»). Он почивает на таких людях, как о. Иоанн Кронштадтский и других перечисленных подвижниках, и побуждает их, ни в коей мере не противопоставляя себя традиции, обновлять ее; питаясь наследием прошлого, находить все новые и новые источники вдохновения.

(Продолжение следует)

Для детей важнее не слова, а опыт личного свидетельства любви

Иеромонах Геннадий (Войтишко) о книге митрополита Антония Сурожского

Недавно в издательстве «Никея» вышла книга «Бога нельзя выдумать. Беседы с подростками о Христе и Церкви». Иеромонах Геннадий (Войтишко) рассказывает, почему он считает эту книгу обязательной к прочтению и рекомендует всем верующим. А также размышляет о том, почему подростки уходят из Церкви и как это остановить.

В книге собраны ответы митрополита Антония на вопросы подростков при встречах в летних лагерях, размышления о Боге, о том, как строить церковную жизнь. «Когда я читал, что владыка рассказывает о Боге, мне казалось, что он говорит о ком-то очень близком, удивительно трогательно, с хорошим чувством юмора. Я прочитал книгу взахлеб, в ней столько подлинного, настоящего, искреннего, сколько, наверное, лично мне не хватает в общении с братьями и сестрами», – поделился иеромонах Геннадий на встрече, организованной издательством «Никея».

Митрополит Антоний Сурожский говорит о своем опыте богообщения простым языком сердечности и любви, а не языком сложносочиненного богословия. «Говорит так, что ему невозможно не верить. Ты открываешь книгу и понимаешь, насколько это смело и ... я, будучи церковным чиновником, вдруг замираю. Там есть маленькая глава о юродивых; за всю жизнь – ни в семинарии, ни где-либо еще – я ничего лучше о

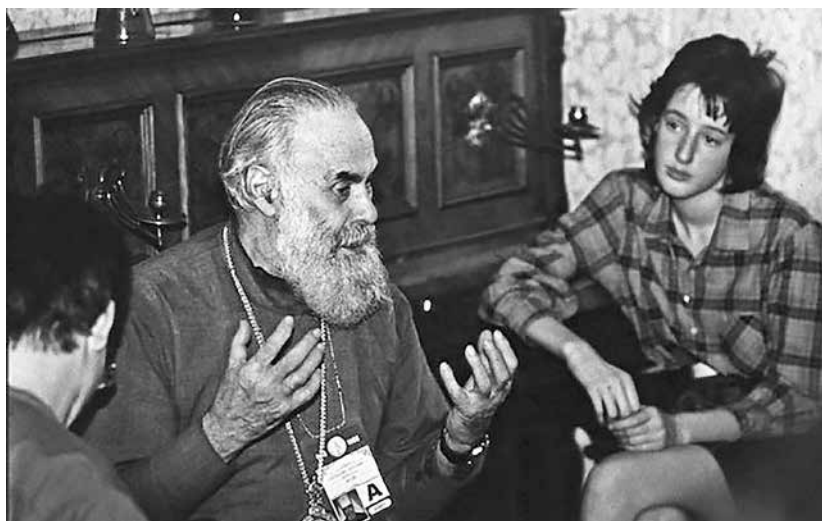
юродивых не читал», – признался иеромонах Геннадий, занимающий должность руководителя сектора приходского просвещения Синодального отдела религиозного образования.

Говоря о современной Церкви, иеромонах Геннадий отмечает, что существует большая проблема ухода из нее подростков, которых «критически мало» в Церкви: «Чаще всего это не сиюминутная реакция, а результат накопленных церковных травм, квази-религиозного церковного опыта, когда вера родителей, взрослых не стала их верой», – говорит иеромонах. К сожалению, существует и проблема изолированности детей в воскресной школе, когда мы создаем для них как бы отдельный, искусственный мир, фактически в нам замыкая.

Одной из причин ухода молодежи из Церкви является и отстраненность духовенства от детей в приходах. ими занимаются учительницы, а этого недостаточно, особенно для возраста 14 и выше, ведь любой ребенок развивается через значимого для него взрослого. Но становятся ли священники авторитетами для подростков? Им нужны разговоры о жизни, когда с ними делятся опытом. И книга митрополита Антония Сурожского – по сути, разговоры о жизни. Он постоянно беседовал с подростками об этом, всту-

пал в непосредственный контакт, общение было постоянное и регулярное, и тогда им открывалась живая жизнь этого взрослого, верующего авторитетного человека, он становился образцом для поведения. А когда ребенку опыт дает только его мама, которая его таскает в Церковь и заставляет причащаться, может случиться «передозировка». «Дети не слушают наши слова, им нужны не слова – они впитывают нашу жизнь. Им нужен опыт личного свидетельства

любви, живой пример. Главное, что должен делать педагог, который общается с подростками, – это быть человеком искренним и говорить без фальши. Иногда подростки уходят, сталкиваясь с фальшью. Надо просто прекратить фальшивить. Схема, пенопласт, – это не про живого Бога», – считает о. Геннадий.

Митрополит Антоний Сурожский говорит про живое, настоящее. Он постоянно говорит о любви – о любви людей друг с другом, о любви в Боге и с Богом. Вера в Бога – это доверие, вера и уверенность в том, что Он тебя любит. Такие разговоры могут вернуть человека в Церковь.

Отец Геннадий отмечает крайнюю важность культуры, в которой живет человек, поскольку она формирует внутреннее состояние духа. Он напоминает слова митрополита Антония о том, что христианское целомудрие не просто дается, а в него надо вырасти, возрасти. Он привел в пример жизнь одного известного рейвера, собиравшего на своих концертах стадионы, который, начав воцерковляться, стал звонарем в православном храме и своей музыкой стал говорить о христианстве.

Конечно, у всех нас разный путь к Богу. Господь касается каждого человека по своему, богообщение развивается в молитве, как к вознесению сердца. Молитва – это не текст, а предстояние ума и сердца перед Богом, иногда даже, может быть, без слов. Говоря о предопределенности в судьбе человека, о. Геннадий отметил: «Я верю в того Бога, который дает

человеку свободу, не предрешая ее. У каждого человека всегда есть выбор». Он считает, что в духовной жизни христианин должен задавать себе вопрос: каких отношений я хочу с Иисусом Христом? И хочу ли я с ним отношений? А дальше уже говорите с Ним, Он знает, что делать, только не мешайте Ему!

Размышляя о любви к Богу, о. Геннадий подчеркивает, что первично объяснение Бога в любви к человеку, и именно оно дает импульс для нашей любви.

«Его любовь первична, и это начало для любого разговора, – как полюбить Бога в ответ? Я Твой, а Ты мой. И в этом вся тайна христианства. Мы любим по одной простой причине – потому что в нашей

жизни мы получили опыт быть возлюбленным, мы можем любить только тогда, когда хотя бы однажды сами испытали, что нас полюбили. Тем же, кто не получил опыта любви, тяжело любить самим. И мы, как христиане, можем любить тогда, когда мы осознаем и чувствуем всем своим сердцем, что мы возлюблены», – считает иеромонах Геннадий.

При этом, никого нельзя насильно «охристианить» железной рукой, также как и нельзя заставить любить. «У нас есть великий дар свободы, и, кстати, владыка Антоний об этом пишет. Это, например, то, что ты можешь Богу ответить "нет". Нельзя причинять любовь, а некоторые христиане навязывают. Бог дает возможность человеку делать выбор», – считает о. Геннадий.

Наталья Савицко

Главный редактор: протоиерей Александр Борисов
Редакционная коллегия: Роза Адамянц, Владимир Ерохин, Ольга Ерохина, Александр Зорин, Александр Кремлёв, Ольга Лашкова, Ирина Языкова
Выпускающий редактор: Владимир Грудский

Дизайн и компьютерная верстка: Татьяна Корыгина
Адрес редакции: Столешников пер., д. 2
Тел.: +7 (495) 935-09-72; +7 (903) 287-14-40
e-mail: vsemenovich@yandex.ru или irinayazykova@yandex.ru с указанием темы письма: «Для "Приходской Газеты"»